

Николай Станишевский

Цветы к сентябрю

Николай Станишевский

Цветы к сентябрю

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19431277

Аннотация

Поссорившись с женой, я решил уехать от неё в свой загородный дом. Мне было необходимо побыть одному, потому что ссора неизменно порождает печаль. Но именно печаль дала мне понять, насколько я одинок без неё.

Если бы я знал, что случайно встречу ту, которая была удивительно на неё похожа. Если бы я мог тогда предвидеть к чему это все приведёт.

Если бы я тогда понял, что к каждому сентябрю у меня был цветок.

И какими могут быть они, цветы к сентябрю.

Содержание

Часть I	5
Часть II	87
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Николай Станишевский

Цветы к сентябрю

Copyright Nickolas Stanishevsky 2016 г.

izdat-knigu.ru edition

Часть I

Николас

14 августа или 8 сентября 2001 год

Сейчас, когда при свете свечи я гляжу на эти строки, я все ещё не верю, что подобное могло произойти, но оно произошло.

Именно поэтому я хочу изложить на бумаге события последних нескольких дней. Я заранее извиняюсь за почерк, потому что не могу унять дрожь в правой руке; левой же, к сожалению, я писать так и не научился. Страх и сомнения постоянно терзают меня, кажется, кто-то стоит за спиной, и почти каждую минуту я в ужасе оглядываюсь назад. Во всем Доме неожиданно отключилось электричество и теперь единственное, что светит мне – огарок старой сальной свечи, который я отыскал за каминной полкой.

Иногда правая рука совсем не слушается, тогда я встаю, подхожу к окну и подолгу смотрю на безрадостный осенний пейзаж, который окружает Дом с восточной стороны. Я вижу, как волны холодного северного моря в гнев бросаются на обнажённые скалы, потом словно нехотя откидываются назад, и их тёмные воды долго колышутся...

Они хотят мне рассказать о том, чего я ещё не знаю.

В Доме никого нет, я в этом абсолютно уверен, но ощущение

ние, что Она находится рядом, не пропадает. Кажется, что сейчас звякнут чайные блюдца на кухне, откроется дверь, и я услышу знакомые до боли слова:

– Ник, ну почему ты опять сидишь в темноте?

К своему позору, я всё время этого жду...

...но, этого не происходит. И... я не уверен, хочу ли, чтобы Она появилась здесь. Слишком сильно был воспалён мой мозг в последние дни, слишком многое мне пришлось пережить и осознать.

Мне ничего не остаётся, как сесть и описать события недавнего прошлого.

Может быть, кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь найдёт мой дневник и прочитает его.

Может быть, он увидит в нём лишь то, как человек постепенно сходил с ума.

Но, может быть, он поймёт, что эти строки я писал к сентябрю.

14 августа

Всё началось с того, что мы в очередной раз поссорились. В последнее время это происходило особенно часто. Наверное, сказывался двенадцатый год нашей совместной жизни, и нам было необходимо отдохнуть друг от друга... Сейчас мне остаётся только гадать.

Решив уйти из дома, я собрал вещи и застрял в прихожей, тщетно пытаюсь завязать трясущимися от злости рука-

ми шнурки ботинок. Она вышла ко мне и встала рядом, по обыкновению, скрестив руки на груди.

– Ты поедешь в наш Дом, – печально и в то же время утвердительно спросила Она.

Я вздохнул и промолчал. В ту минуту мне совсем не хотелось открывать рот, чтобы случайно не сболтнуть лишнего.

Она тоже вздохнула, и когда я поднял голову, то заметил печальную улыбку, которая таилась в глубине больших карих глаз. На минуту мне показалось, что её пышные золотистые волосы сегодня потеряли свой обычный блеск.

– Знаешь, Ник, – Она судорожно сглотнула и отвела взгляд в сторону. – В последний год всё как-то странно у нас получалось. Вроде мы и жили, и не жили. Ели, пили, спали, старались всё делать совместно, но на самом деле были так далеки друг от друга, что ничем не измерить. Я часто задавала себе вопрос – почему всё так странно происходит? Почему, чем больше люди находятся вместе, тем хуже становятся их отношения? Может, это закономерность?

– Хватит молоть чепуху, – не выдержал я и тут же пожалел об этом.

– Тебе надо отдохнуть, – продолжала Она. – Ты просто устал, в последнее время у тебя было слишком много работы. И снова тяжело вздохнула.

– Ночами сидел, не высыпался. У тебя до сих пор красные глаза. Может, стоит отдохнуть перед дальней дорогой?

Я задумался.

Она не отговаривает меня от поездки, нет, но как Она права! Действительно, стоит мне немного поспать, и я проснусь совершенно другим человеком! И как Она близка к тому, чтобы забыть нашу ссору!

Я закрыл глаза и...

В глубине души вновь зашевелилось упрямство. Насколько, всё-таки, странно устроен человек! Если кто-то пытается с ним примириться сразу же после ссоры, он непременно отвергает его...

В конце концов, я буркнул что-то непонятное и, наконец, затянул узлом треклятый шнурок. Подхватив собранную дорожную сумку и, не говоря ни слова, я выскочил из дома, сильно хлопнув при этом дверью.

На улице моросил мелкий, противный дождь. Ярость бушевала внутри, сильно тряслись руки, и я долго не мог попасть ключом в замок багажника автомобиля. После очередной неудачной попытки я громко выругался, сильно стукнул кулаком по металлической крышке, выронил при этом ключи, и почувствовал, что на меня кто-то смотрит...

По-моему, нечто подобное со мной уже происходило.

Дежавю.

Казалось, время замедлилось.

Капли холодной влаги не спеша падали на голову и, превращаясь в тонкие полоски, неторопливо стекали за воротник. Было ужасно неприятно, но я всё же обернулся и увидел, что Она стоит у окна и смотрит на меня.

Полоса дождя, разделявшая нас, исчезла. Я видел Её лицо настолько ясно и отчётливо, словно на улице светило солнце. Взгляд карих глаз по-прежнему был грустным и печальным, уголки рта, медленно подрагивая, опустились вниз. И вдруг... на правой щеке тонкой полоской серебра блеснула пробегающая слеза.

Жалость вспыхнула во мне с такой силой, что грудь сдавило невидимым обручем, нестерпимо заныло сердце. Словно во сне, я неторопливо поднял с мокрого асфальта ключи, выпрямился и уже собрался сделать шаг по направлению к дому...

Но...опять моё глупое «я» не дало мне этого сделать.

Я заставил себя вернуться в реальный мир.

«Пусть немного помучается, – мелькнула злорадная мысль. – Помучается и поразмыслит о том, как себя вести».

В глубине души я понимал, что в дальнейшем судьба накажет меня за подобные мысли и поступки. Но в тот момент мне было на всё наплевать.

Вместо того чтобы возвратиться, я открыл дверцу автомобиля, швырнул сумку на заднее сидение и уселся сам. Посмотрев ещё раз в сторону окна, я увидел, как Она подняла руку и медленно помахала на прощание. Но гордыня вновь не дала ответить Ей тем же.

Резко захлопнув дверцу, я повернул ключ в замке зажигания и нажал на газ. Колеса автомобиля провернулись, свистнули по асфальту мокрой резиной и, зацепив сухое место,

рванули машину вперёд.

И ни о чём не задумываясь, я понёсся навстречу неизвестности и липкому дождю.

15 августа

Нашим Домом Она называла двухэтажный особняк, оставшийся мне в наследство от деда. Он находился в тридцати часах езды от города, в отнюдь не живописном месте со странным названием Кемберсоул.

«Местечко, где успокаиваются души», – криво ухмыляясь, любил поговаривать мой дед. Я же был совершенно противоположного мнения.

С восточной стороны к Дому подбирался крутой горный обрыв, внизу которого бушевало серое, пенистое море. К северу простиралась большая равнина, плавно переходящая в несколько невысоких холмов, покрытых худосочными, искривлёнными временем деревьями. Учитывая то, что на дворе стоял последний месяц лета, больше походивший в наших краях на позднюю осень, низкое свинцовое небо изумительно дополняло эту безрадостную картину.

Так о каком спокойствии могла идти речь?

В Доме много лет уже никто не жил. Мы тоже не любили бывать здесь часто, а если всё-таки приезжали, то ненадолго. Поэтому Дом все ещё сохранял приятную атмосферу пятидесятых, когда дед поселился в этих местах. Даже многие вещи, особенно на чердаке, до сих пор находились там, куда

он их когда-то положил, только покрылись густым слоем пыли и затянулись паутиной. На приборку, естественно, у нас постоянно не хватало времени...

Мне всегда были приятны воспоминания о Доме, как связанные с ушедшим детством, правда, сейчас мне было не до них. Я чувствовал себя настолько усталым и измотанным, что порой начинала кружиться голова. Причём я прекрасно понимал, что издёрган не столько дорогой, сколько собственной злостью. Почему же я не смог подавить её, остаться и все спокойно обдумать?

Я перешагнул порог спальни и застыл.

Нет... о том, чтобы возвращаться не может быть и речи.

С ненавистью швырнув сумку в самый дальний угол спальни, я повалился на кровать, даже не расправив её, и моментально заснул.

16 августа

Ночью мне что-то снилось, но утром я, сколько не пытался, вспомнить ничего не смог. Осталось только ощущение, будто мне привиделось нечто тяжёлое и скверное.

По-моему, всю ночь кто-то стоял за дверью в тёмной комнате...

От этого я разозлился ещё больше. Было ясно, что за дверью стояла Она, появившись, чтобы в очередной раз разрешить неопределённость наших отношений.

Зачем? Кому сейчас это нужно?

Странно, но голода я не испытывал, к тому же в Доме не было продуктов – всю дорогу сюда я летел, словно ошалелый и не соизволил заехать ни в один магазин. Поэтому вопрос о том, чтобы убить время на приготовление пищи, отпал сам собой.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я решил прогуляться. Дождя на улице не было, хотя и солнца тоже. Небо затянули низкие дымчатые тучи.

«Действительно осень, – подумал я, – хотя до неё ещё целых две недели. Правда, они пролетят незаметно, и наступит первый осенний месяц – сентябрь. А в сентябре у моей Дженни... день рождения».

От этой мысли на душе стало так гадко, что меня даже зашеломило. Приближается такой замечательный праздник, но я так подло веду себя в его канун...

«Надо возвращаться, – уныло подумал я. – Рано или поздно всё равно придётся это сделать, так уж лучше сейчас».

Для чего?

Дремавшая до сих пор гордыня так напомнила о себе, что я сжал кулаки от злости.

Разобрав привезённую сумку, я быстро переоделся в спортивный костюм. От прикосновения мягкой шелковистой ткани сразу полегчало.

«Ты не хотел находиться рядом с этим человеком, и ты это сделал, – подумал я. – Ты желал одиночества, и ты его

получил».

Отогнав эту мысль, я решительно толкнул входную дверь и вышел на серый, прохладный воздух.

Деревья на равнине уже потеряли свою редкую, тусклую листву. Ветер монотонно насвистывал мелодию уходящего лета и постепенно подводил её к заключительному, осеннему аккорду. Но, как, ни странно, мелодия, не дотянув двух-трёх нот до своего апогея, неизменно возвращалась назад.

«Интересная вещь, – думал я, шагая по бесцветной, высушенной траве. – Природа соблюдает свой ритм и не торопится менять время года. Да, уж если говорить о времени, то оно у каждого – своё».

На душе вновь стало невообразимо мерзко. Я начал проклинать себя за то, как вёл себя вчера и неожиданно вспомнил, как мы с Ней познакомились.

Тогда я был ещё совсем молодым и не слишком опытным бизнесменом, содержащим небольшое кафе и объявившим набор танцовщиц для участия в варьете. Её я заметил сразу – хрупкая точёная фигурка, сияющие карие глаза, открытая улыбка. Это, безусловно, выделяло Её на фоне остальных девушек, ставших для меня сразу скучными и неинтересными. Поэтому я незамедлительно пригласил Её в кабинет, где мы долго беседовали и пили крепкий, свежесваренный кофе.

Одна деталь в Её рассказе показалась мне довольно странной, но тогда я почему-то не обратил на это внимания. Быть может, потому что я действительно был ослеплён Её красо-

той и, какой-то неведомой, внутренней чистотой?

Не знаю.

Когда я спросил Её, где она живёт, Дженни (а именно так звали мою новую знакомую) сказала, что она – не местная и приехала издалека. Я не смог удержаться и спросил – откуда? Она тихо и невнятно произнесла название какого-то городка на юге. Я так и не вспомнил, существует ли таковой на самом деле, или просто его название сходно с другим, ранее известным мне словом. Впрочем, в тот момент ничего не имело значения. Дженни лучезарно улыбнулась, и я полностью растворился в тёплом взгляде шоколадных глаз, пушистых золотистых волосах и обворожительной широкой улыбке.

Однако, червячок недоверия, плотно засевший в моём сознании, продолжал ворочаться и никак не мог успокоиться. Совладав с собою и сделав серьёзное лицо, я спросил, откуда она узнала, что наше заведение проводит набор, если Она – иногородняя? Ничуть не смутившись, Дженни снова улыбнулась и ответила, что про объявление в газете Ей рассказала подруга, а как её зовут – это совершенно неважно, потому, что я эту девушку всё равно не знаю. Закончив фразу, Она выжидающе и даже немного строго посмотрела на меня, а потом улыбнулась ещё раз. И на мгновение мне показалось, что я потерял память.

Ну, а поскольку я её потерял, об этих странностях в поведении Дженни я в дальнейшем не вспоминал. Мы сразу же переключились на другие темы и с головой окунулись в за-

ново открывающийся для нас мир знакомства.

Агнец.

Только сейчас я начал понимать, что действительно вёл себя, как агнец, которого ведут на заклание.

Над равниной подул сильный ветер, и стало ощутимо холоднее. Я поднял воротник спортивной куртки, закурил сигарету и несколько раз глубоко затянулся. Внезапно я поймал себя на мысли, что все ещё продолжаю думать о нашей первой встрече.

Правда, а где жила Дженни до того, как мы познакомились? Самое интересное, что и Её родных я никогда не видел. И на протяжении всех последующих двенадцати лет мы эту тему ни разу не поднимали. Бывали моменты, когда я пытался задавать вопросы, но Она легко и непринуждённо уводила разговор в сторону. А я этого не замечал.

Странно, как всё это странно!

Ветер дунул с новой силой, и я невольно поёжился.

Почему я вспоминаю об этом именно сейчас?

Почему я начал думать об этом в тот момент, когда мы поссорились?

Почему эта мысль не даёт мне покоя, когда я нахожусь так далеко от своей жены?

Я интуитивно чувствую, будто что-то должно произойти... Сон... будет иметь... продолжение?

Внезапно за ближайшим деревом мелькнуло что-то пёстрое. Я сразу остановился и почувствовал, как напряглись

мышцы спины. Слишком хорошо я знал эти места, потому как вырос здесь, и никого постороннего тут быть не могло. Дед специально выстроил этот Дом подальше от городского шума и суеты, в «местечке», где успокаиваются души. Так что, чужаки вряд ли могли здесь оказаться.

Ветер с силой ударил в ствол дерева, отчего то низко и протяжно загудело. Нечто пёстрое мелькнуло ещё раз, но я всё же успел разглядеть... Это был кусочек ткани – голубой, в чёрный горошек. Теперь сомнений не оставалось – кусочек ткани был частицей платья, а за деревом прятался человек.

Неужели это та, что во сне находилась за дверью?

Моментально оказавшись возле этого дерева, я прижался к нему спиной. Сердце в груди колотилось быстрее, чем обычно, и я с неудовольствием отметил, что начал волноваться. Облизнув пересохшие губы, я тихонечко позвал:

– Эй, мисс!

Никто мне не ответил, только ветер взял другую тональность – более высокую и протяжную. Набрав в лёгкие воздуха, я крикнул громче:

– Эй! Как вас там? Мисс, выходите, я обещаю, что не сделаю вам ничего дурного!

И опять тишина.

Я подумал, что довольно глупо выгляжу, прижимаясь к этому дереву. Машинально оглядевшись, я понял, что чего-то опасаясь. На душе стало совсем уныло. Чего может бояться крепкий, здоровый мужчина в расцвете лет, который

ещё, вдобавок ко всему, находится на своей территории? Не женщину же, робко прячущуюся по ту сторону дерева?

Тем не менее, испуг не проходил. И вдруг я понял, что это ощущение кардинально отличается от обычного страха. Оно заключалось в том, что у человека, который стремился побыть один, внезапно пытаются отнять долгожданное одиночество.

Однако надо что-то предпринимать.

Собравшись с духом, я прыгнул, обхватив рукой ствол и... чуть не налетел на хорошенькую молоденькую девушку. Оказавшись в нескольких дюймах перед ней, я изо всех сил затормозил, но было слишком поздно и, чтобы не упасть, мне пришлось упереться в сухую шершавую кору. Она же, в свою очередь, отпрянула назад и прижалась к стволу, спрятав руки за спину. Её лицо оказалось между моими ладонями и одновременно прямо передо мной. И я, оттолкнувшись, резко отпрянул назад.

Слишком велико было её сходство с Дженни! Настолько велико, что я в первый момент подумал, что это Она украдкой приехала и спряталась за этим деревом, пытаясь меня разыграть.

Получалось, что за дверью действительно кто-то стоял...

Но в следующую минуту я уже понял, что ошибался. Действительно, сходство с Дженни было поразительным. Только эта девушка представляла собой другую Дженни, ту, что го-

раздо моложе. Она выглядела так, как моя жена двенадцать лет назад.

Придя в себя от только что перенесённого шока, я с трудом разлепил губы и уже приоткрыл рот, чтобы произнести извинения.

И вдруг девушка улыбнулась.

Она сделала это настолько просто и открыто, что сердце у меня упало вниз, а желудок похолодел. Я вспомнил, что уже ощущал нечто подобное, в тот день, когда Дженни пришла устраиваться на работу двенадцать лет назад.

Дежавю.

Девушка, похоже, угадала мои мысли, отчего её ослепительная улыбка стала ещё шире, и в бездонных карих глазах замелькали сумасшедшие огоньки.

– Кто вы? – наконец выдавил я.

– Джина, – коротко ответила она. – Меня зовут Джина. А вас?

– Ник... – пробормотал я. – Николас.

От смущения я не знал, что сказать и чувствовал себя последним идиотом. Стеснительный с рождения, я не предполагал, что моё знакомство с посторонней женщиной состоится так быстро и просто. К тому же её имя было поразительно созвучно с именем моей жены...

С Дженни у нас было все совсем по-другому...

По-видимому, пауза затянулась, потому что хитрые огоньки в глазах Джины засияли ярче.

– Я... я не испугал вас? – проямлил я первый пришедший в голову вопрос. Наверное, ничего более глупого я не произносил за всю жизнь. Смешинки в её глазах сделались мягче.

– Ни капельки, – беззаботно ответила она и, словно в подтверждение своих слов, тряхнула головой. Темные, кудрявые волосы рассыпались по плечам.

– Все равно, извините, – выдохнул я. – Встреча с вами для меня была... неожиданностью, что ли... Понимаете, эти места довольно безлюдны и...

– Понимаю, – она снова улыбнулась и тут же предложила: – Давайте пойдём, погуляем! Вы ведь собрались на прогулку, верно? Погода, кстати, сегодня... чудесная!

При упоминании о погоде я машинально посмотрел на небо, пожал плечами, но ничего не сказал. Каждому человеку нравится своё, определённое время года и тут ничего не попишешь.

И мы отправились на прогулку по серой, безлюдной низменности. Мы разговаривали о всевозможных пустяках, и Джина весело хохотала и радовалась моим шуткам, как ребёнок.

Про себя я отметил, как наивно она воспринимает, казалось бы, самые обычные смешные истории. Неужели она раньше никогда не слышала ничего подобного? Спросить вот только как-то неудобно, и я продолжаю без умолку говорить, лишь бы она без умолку веселилась. И впервые за дол-

гие годы над этой безжизненной равниной разносится лёгкий, беззаботный смех.

Периодически я задавался вопросом – сколько же ей лет? На вид – около двадцати, но человек может выглядеть и старше, и моложе.

Наверное, она всё-таки выглядит старше – уж слишком просто и по-детски она себя ведёт.

Неожиданно ветер стих. До этого он бушевал всюду – со свистом рассекая воздух, атаковал нас, пытаясь забраться по одежде, трепал волосы, гудел так, что закладывало уши... Понимая, что Джине довольно зябко в летнем платье с короткими рукавами, я весьма галантно предложил ей свою спортивную куртку. Она приняла моё предложение с такой лёгкостью и радостью, что я даже удивился.

Теперь же ветер просто исчез, и наступило такое безмолвие, что я даже слышал звенящую печалью тишину. И почувствовал запах духов той, которая, возможно, приходила ко мне во сне.

Хотя было довольно прохладно, у меня на лбу выступила испарина. Дело в том, что я ощущал такой же аромат, когда мы с Дженни встретились в первый раз.

Дежавю.

Очевидно, Джина заметила перемены на моем лице, поэтому перестала смеяться и мягко спросила:

– Что-нибудь случилось?

Меня вновь поразила простота и искренность её вопроса.

Он был задан так легко и непринуждённо, словно мы были знакомы не какие-то полчаса, а долгие годы. И в течение всех этих лет она беспрестанно заботилась обо мне.

– Духи, – еле слышно прошептал я. – Ваши духи... Как они называются?

– Бертюжар.

В моей голове тут же вспыхнуло табло поиска, стараясь найти в памяти подобное название.

В духах я разбирался неплохо. Я любил покупать их для Дженни и делал это довольно часто – то, что раз в два месяца, это уж точно. Я знал все Её любимые сорта, иногда менял их, подбирая подобные по запаху, но несущие в себе оттенок новизны. Помню, один раз мне даже удалось найти духи, названные Её именем...

Название «Бертюжар» не говорило мне ровным счётом ничего. И только сейчас я вспомнил, что уже потом, после нашей встречи, Дженни перестала пользоваться этими духами. Я как-то спросил Её, как они называются, но Она ловко перевела разговор на другую тему.

И вот снова этот чудесный, дивный аромат. Запах, который вызывал ассоциации с молодостью и уносил меня в то далёкое, как казалось, беспечное время, когда я впервые встретил настоящую любовь. Не сказать, чтобы в жизни я был обделён женским вниманием, но так, как я полюбил Дженни, я никогда и никого не любил...

Дежавю.

Сейчас я почувствовал, что опять влюбляюсь. Может быть, это происходило потому, что она безумно походила на ту, страстно любимую мною Дженни? Или потому что она была немного другой Дженни, ещё юной, не обременённой двенадцать годами совместной жизни? Не знаю. Я ничего не мог с собой поделать...

Так, или иначе, я знал, что не должен увлекаться совсем молоденькой девушкой, к тому же, с детскими взглядами на жизнь. Но просто развернуться и уйти я тоже не мог. Необходимо было продолжать разговор, общаться на любую, пусть самую бестолковую тему, лишь бы не поддаваться нахлынувшим эмоциям.

– А где вы покупали эти духи? – спросил я.

– В Кембербридже, – Джина поискала глазами что-то в небе и вдруг воскликнула: – Ой, смотрите! Вон та туча напоминает свинюшечью голову! Правда, смешно?

Но мне было ни до смеха, ни до тучи. Щепетильный мозг, привыкший за долгие годы анализировать каждое слово собеседника, опять включил поиск, чтобы спроецировать на экран сознания подобное название. Но... изображение так и не появилось.

– Кембербридж... – тупо повторил я. – А где это?

И улыбнулся самой, что ни на есть дурацкой улыбкой.

Лицо Джины приняло растерянное выражение.

– Как? – прошептала она, и глаза её сделались большими и круглыми. – Вы не знаете, где находится Кембербридж? Так

это же всего в десяти милях отсюда, — она неопределённо махнула рукой в сторону холмов. — Мы с папой почти каждый день ездим туда за покупками.

В десяти милях от нас находится Кемберлист...

Я ощутил, что мне становится душно и жалобно пролепетал:

— А вы где живёте?

— А я живу вон за этой рощей, — она снова махнула рукой в сторону скопления кривых деревьев. — Почти сразу за ней небольшая лощина и такой ма-а-ленький, но довольно густой перелесок. За ним отец и решил выстроить особняк.

Я почувствовал, что начинаю терять равновесие. Поскольку я провёл здесь все детство, я прекрасно знал каждый уголок этой местности. Спора нет — за рощей действительно находилась небольшая низменность, окаймлённая маленьким перелеском. Единственное, что никакого дома там...

— Но... — покраснев, как варёный рак, выдавил я. — Но...

— Вы, наверное, хотите сказать, что никакого дома там нет? — лучезарно улыбнулась Джина. — Всё правильно. Его СЕЙЧАС там нет. Он появится гораздо позже.

Я понял, что сейчас упаду, у меня даже появилось ощущение, что земное притяжение увеличилось в несколько раз.

— А откуда... Откуда вы все это знаете?

— Дело в том, что я не живу в этом времени, мистер Николас, — девушка хитро подмигнула мне правым глазом. — И оказалась здесь совершенно случайно. Точнее, благода-

ря случайному стечению обстоятельств. Мой отец занимается разработкой экспериментов по перемещению во времени. Благодаря долгим поискам и усилиям, ему удалось понять принцип временных полос, научиться разделять их, перемешивать, словно карты в колоде, накладывать одну на другую... Правда, сначала все это существовало только в теории, в его записях и дневниках, испещрённых бесчисленными формулами. Я в этом решительно ничего не понимала...

И она вновь тряхнула головой, отчего густой туман её волос заколыхался и начал растекаться по плечам. А я после этого монолога почувствовал лишь изумление. Передо мной был уже не ребёнок, а неожиданно повзрослевший человек. Даже взгляд у неё изменился.

– В общем, моему отцу была нужна практика. То есть человек, который согласился бы добровольно участвовать в экспериментах. Но, увы, добровольцев не нашлось. Никто не хотел рисковать...

Я стоял и не верил своим ушам. На дворе – двадцать первый век, все эти путешествия во времени остались лишь в сценариях кинофильмов, да на страницах фантастических романов. А здесь, передо мной стоит юное прелестное создание и совершенно серьёзно рассказывает абсолютно немислимые вещи...

– Вы не подумайте, мистер Николас, что мой отец заставил меня это сделать, – продолжала Джина. – На подобное он никогда бы не пошёл. Я и сама о таком не думала, букваль-

но до последнего времени. Но...не так давно мне приснился сон. Будто я иду по какому-то тёмному, мрачному лесу и внимательно оглядываюсь по сторонам. Не знаю почему, но у меня такое ощущение, что за каждым деревом кто-то должен стоять, хотя там... никого... нет... Но чей-то голос упорно повторяет мне, что этот НЕКТО, рано или поздно, всё равно окажется там...

Потом я дико устаю, и ноги совершенно не слушаются. Я решаю, что дальше не пойду. Тогда голос начинает уговаривать меня и шепчет, что я обязана завершить своё необычное путешествие. Если я это сделаю, то встречу настоящую любовь... Понимаете, мистер Николас, именно этими словами он меня по-настоящему и заинтриговал. Я ведь в жизни ещё никогда никого не любила... А так хотелось...

Джина мечтательно вздохнула. Я чувствовал себя самым сумасшедшим человеком на планете.

– В общем, я встала и пошла дальше. Совсем стемнело, и я брела на ощупь, боясь ненароком запнуться и упасть или наткнуться на какую-нибудь ветку. Но, к счастью, ничего такого не произошло. И вдруг впереди я увидела слабый красноватый свет. Я сразу же поняла – в лесу кто-то разжёл костёр! И ноги сами понесли меня к этому случайно появившемуся ориентиру.

У костра сидел человек. Мужчина. Я присела рядом на брёвнышко, и мы долго смотрели на оранжево-синее пламя. Я молчала, и он молчал, и я чувствовала, что от этого нам

настолько хорошо, что не нужно никаких слов. Мне не хотелось поворачивать голову, чтобы увидеть его лицо. Я знала, что это хороший, умный, добрый человек. Человек, с которым я смогу быть рядом всю жизнь.

А потом мне всё-таки захотелось посмотреть на него, хотя бы краешком глаза.

И я решила это сделать.

Но... как только я повернула голову, я... проснулась.

– И ты так и не видела его лица? – затаив дыхание, спросил я, даже не заметив, как перешёл на «ты».

– Нет, – грустно вздохнула Джина. – К сожалению нет.

– Ну, может это и к лучшему, – я попытался утешить девушку. – Если бы ты его разглядела, то начала бы искать именно этого человека. А если бы не нашла?

– Этого бы не случилось! – гневно сжав кулачки, внезапно воскликнула она. – Я бы его всё равно нашла, потому что я его люблю! И буду любить всю оставшуюся жизнь! Мой папа всегда говорил мне, что я – однолюб!

– Успокойся, Джина, – мягко сказал я. – Безусловно, ты найдёшь его. Только сделать это будет немного сложно, ты же не видела его лица и не слышала его голоса...

– Это неважно, – девушка вновь улыбнулась обворожительной улыбкой, до боли напоминающая улыбку моей жены. – Мне необязательно знать, как он выглядит. Он у меня – вот здесь.

Она прикоснулась левой стороне груди и в эту минуту

опять стала похожа на замечтавшуюся несовершеннолетнюю девчушку.

– Конечно, – поспешил согласиться я. – Короче, насколько я понимаю, этот сон и подтолкнул тебя сделать то, что ты сделала сейчас...

– Да. На следующее утро я пошла к отцу и сказала ему, чтобы он проводил эксперимент с моим участием. Поначалу он замахал руками, но я сумела настоять на своём. У меня его характер... Вот, в принципе, и всё. Я на какое-то время потеряла сознание, просто провалилась в темноту. А когда пришла в себя, то была уже здесь. Как раз недалеко от нашего дома, потому что прибор моего отца действует в очень небольшом радиусе. Я имею в виду пространство...

Под языком появился колючий, шершавый шар, отчего в горле невыносимо защекотало. Я с трудом откашлялся и спросил, точнее, опять выдавил из себя:

– Какой у вас сейчас год?

– Три тысячи первый, – глаза Джины налились мягким коричневым светом. – Не правда ли, Ник, как это романтично – совершить такое необычное путешествие в первый год предыдущего тысячелетия?

Я упал.

Точнее, не упал, а сел прямо на землю, на серую выцветшую траву, потому что ноги напрочь отказались держать моё тело. Джина не выдержала и поначалу тихонечко прыснула, а потом залилась нежным переливчатым смехом. А я сидел

возле неё, скрестив по-турецки ноги, и глупо улыбался. В голове царила полная неразбериха. Эта девушка будет жить в этом месте, только через тысячу лет. И она будет безумно похожа на Дженни. И её будут звать похожим на Дженни именем.

Потом я не выдержал и тоже захохотал. Вот так мы и хохотали – долго, весело и задорно, глядя в лицо друг другу.

17 августа

Ночью я спал плохо, мне всё время снился неизвестный таинственный лес, отчего я часто просыпался. Лишь только под утро, когда мрачные сновидения отпустили, мне удалось провалиться в сладкую, протяжную дрему.

Проснувшись, я выглянул в окно и увидел, что солнце стоит высоко, правда определить точное время было невозможно – в спешке, я забыл дома часы.

«Влюблённые часов не наблюдают, – подумал я и сладко потянулся. – Что с тобой происходит, Ник? Неужели ты действительно влюбился на старости лет?»

Глупые мысли полезли в голову, и я резко вскочил с кровати, чтобы быстрее чем-нибудь заняться и постараться от них отвлечься. К тому же я обнаружил, что зверски голоден.

Нужно было ехать в город. Город, который сейчас называется Кемберлист и который, если верить словам Джины, будет переименован в Кембербридж к концу второго тысячелетия.

К тому же, Джина обещала сегодня опять встретиться со мной. Вчера, когда уже совсем стемнело, она робко намекнула, что ей пора домой, но я не осмелился возражать и задерживать её, потому что это была наша первая встреча. Точь-в-точь, как когда-то с Дженни. Она ушла по направлению к роще, где мы встретились, и исчезла в тёмном частоколе чахлах, изогнутых стволов. Мне подумалось, что я больше не увижу её, но я быстро прогнал эту неприятную мысль.

Она придёт, в этом я не сомневаюсь.

Если бы я только знал, насколько я был прав в тот момент...

Ну, а если она сегодня появится, я не упущу момента, чтобы пригласить её на ужин. Готовить я умел и любил, только делал это крайне редко в силу своей занятости по работе. Но иногда, по выходным, я отдавался этому занятию со всей пылкостью и страстью, на какие был только способен. Особенно Дженни нравились мои фирменные пироги.

Поэтому к нашей встрече я обязательно испеку что-нибудь необычное и эксклюзивное. Интересно, одобрит ли Джина мои кулинарные способности?

Необходимо было поторопиться. Так как часов у меня не было, я решил приобрести в городе что-нибудь недорогое, на время. Стоп! На время чего? Того, пока я буду находиться здесь? Как долго я здесь ещё пробуду? Сколько раз Джина сможет приходить ко мне на свидания?

А как же Дженни?

От этой мысли на душе стало так противно, что я снова почувствовал рвотные позывные. Как я могу вообще так поступать, променять возвращение домой, к любимой женщине на встречи с молоденькой девушкой? Но... ведь... мы с Дженни поссорились, и Она сама в этом виновата... Кстати, насчёт вины... Стоп! А если рассмотреть эту ситуацию под другим углом, так сказать, с точки зрения моей жены?

Я шумно засопел и торопливо забегал по комнате. Выходит, если сделать так, как я только что подумал, виноват во всём, получаюсь, сам! Проклятая склонность к самоанализу!

Быстренько одевшись, я выскочил во двор и плюхнулся на водительское сидение автомобиля. Злость, неожиданно зародившаяся в глубине души, бушевала с такой силой, что едва не сломал ключ в замке зажигания.

Резко крутанув руль, я вылетел со двора, как умалишённый.

Когда я выехал на шоссе, и дорога стала ровной и гладкой, мои мысли начали постепенно приходить в порядок. И я вновь решил попробовать разобраться в себе.

Что меня привлекает в Джине? Безусловно, ощущение юности, свежести и новизны. Вот именно, новизны. Незведанное всегда манит и притягивает к себе.

Любознательность человека не имеет границ.

А что мешает мне вернуться к Дженни? Только никому не нужная гордыня и самолюбие. А ведь у Неё скоро день рождения.

Девятого сентября.

Она часто шутила, что в дате этого маленького праздника содержаться три девятки. Одна – число, вторая – порядковый номер месяца. А третья – последняя цифра года, в который Она родилась.

– Я – роковая женщина, – часто говорила Она, ослепительно при этом улыбаясь. – Если перевернуть эти девятки вниз головой, то получаться три шестёрки...

Действительно, роковая. Никого ещё я не любил так сильно, как Её, ни о ком так не заботился и не беспокоился. Она вскружила мне голову с первых минут нашей встречи и сделала это настолько виртуозно, что я не могу опомниться до сих пор. И как бы я на Неё не злился и не обижался, буквально через несколько минут всё забывал и готов был валяться в ногах, вымаливая прощение.

Хотя...

Последний год нашей совместной жизни выдался действительно трудным. Ссоры и скандалы вспыхивали слишком часто, наверное, за этот год их набралось больше, чем за все остальные, прожитые ранее.

Почему?

Может быть, мы действительно устали друг от друга, и нам необходимо какое-то время пожить отдельно, чтобы в дальнейшем сохранить хорошие отношения? Пожалуй, на сегодняшний день, это самый приемлемый вариант.

Немного успокоившись, я откинулся на спинку сидения

и включил автомагнитолу. Но, как специально, в приёмнике оказалась кассета с записью любимой песни моей жены.

Воспоминания окатили меня, словно ведро ледяной воды. За эти два дня я ни разу не удосужился подумать о том, как чувствует себя Дженни, что Она думает, чем занимается, да, в конце концов, есть ли у Неё что-нибудь в холодильнике? Какой же я всё-таки эгоист! Недаром в последнее время Дженни часто говорила, что я слушаю только самого себя! Нет, мне просто необходимо ей позвонить!

Открыв кое-как трясущимися руками крышку отделения для перчаток, я чуть не завыл от обиды. Перед тем, как уехать из дома, я поставил телефон на подзарядку, а взять его, естественно, забыл! Да и зачем мне было о нем вспоминать, если я уезжал от любимой женщины, чтобы не видеть и не слышать её!

Ярость и отчаяние нахлынули на меня с новой силой. Не сознавая, что делаю, я резко дёрнул руль влево и выскочил на встречную полосу.

Машины, которые неслись навстречу, принялись отчаянно сигналить. Успев опомниться, я вновь до упора вывернул руль и чудом избежал лобового столкновения.

«Надо быть повнимательнее, – сказал я себе, облегчённо вздохнув, – Так можно оказаться не в магазине, а в совершенно другом месте. И тогда не будет ни дня рождения, ни цветов к сентябрю...».

От этой мысли у меня сильно защемило сердце, и я

невольно сбавил скорость.

И всё-таки, я тысячу раз прав в том, что нам необходимо расстаться на какое-то время! Гнев и обида поулягутся, ссоры забудутся, и отношения вспыхнут с новой силой. А на это время Джина заменит мне Дженни, ведь она на неё так похожа! Может быть, видя в ней молодую Дженни, я ещё сильнее буду любить свою жену...

Рассуждая таким самым, что ни на есть циничным образом, я въехал в город. На покупки ушло около трёх часов, я накупил кучу всевозможной снеди и по привычке взял зелёных яблок, персиков и маринованных огурцов, которые Дженни просто обожала. Проезжая по одной из улиц, я заметил сверкающую призывной вывеской ювелирную лавку, и, неизвестно почему, нога сама нажала на педаль тормоза.

Зачем я туда зашёл, я так и не понял. Может быть, опять сработал инстинкт привычки – я часто дарил своей Дженни драгоценные безделушки. Я заходилась от восторга, глядя, как моя супруга рассматривает их, как, затаив дыхание, примеряет и, как Её глаза вспыхивают карим заревом благодарности. В тот момент я радовался с Нею, словно ребёнок – для меня не было ничего приятнее, чем дарить Дженни не только подарки, но и радость.

В магазинчике было пустынно, лишь старичок-продавец мирно посапывал за прилавком.

– Гм, хм, – откашлялся я.

Старичок моментально оживился, будто и не спал, резво

вскочил на ноги и, наклонившись ко мне, опёрся о прилавок руками.

– Что желаете, мистер? – подобострастно закивал он.

По правде говоря, я и сам не знал, чего хотел. Я стоял, молчал, сопел и проклинал себя за то, что вообще появился здесь. Продавец принял моё молчание за предложение показать товар и тут же засуетился, тыча пальцем в витринное стекло и что-то беспрестанно бормоча хриплым, простуженным голосом.

– Есть изумительные цепочки, мистер! Практически всех размеров и любого веса. А к ним – не менее изумительные кулоны... Взгляните вот на этот, в виде дельфина, с изумрудами вместо глаз!

Поскольку, очевидно, моё лицо, в тот момент ничего не выражало, старичок с пониманием кивнул и затарахтел дальше, расхваливая на все лады серьги и браслеты.

Когда он, наконец, добрался до колец, с меня, как будто спало оцепенение, и я вспомнил, что именно этот предмет ювелирных украшений я дарил Дженни наиболее часто. Я начал с интересом разглядывать то, что он предлагал и очень быстро остановил свой выбор на изящном миниатюрном колечке в форме ажурных спиралевидных переплетений, усыпанных бриллиантовой крошкой.

– Сколько? – поинтересовался я.

– О! – старичок театрально воздел руки к небу. – Сущие пустяки, мистер! Всего-навсего пятьсот шестьдесят два

пятьдесят!

«Ничего себе пустяки», – подумал я про себя, но вслух сказал: – Ну что ж, это не так уж и дорого!

– Конечно! – лицо старичка просияло, и он засуетился со скоростью, в два раза превосходящую ту, с которой суетился до этого. – Какой размер пальчика вашей дамы?

У меня появилось ощущение, что грянул оглушительный гром и самый, что ни на есть тяжёлый молот ударил по моей бестолковой голове.

Размер!

Ведь если я покупаю это колечко для своей будущей гостыи, я даже не знаю её размера! Но почему для Джины, а не для Дженни?

Чёрт побери, да потому что до Её дня рождения ещё уйма времени!

– Шестнадцать с половиной, – сказал я деревянным голосом, назвав размер безымянного пальца своей жены.

– Не извольте беспокоиться, – старичок проворно юркнул под прилавок и уже через какую-то секунду вынырнул обратно, протягивая мне кольцо, уютно лежащее в маленькой коробочке из синего бархата.

– Футляр – бесплатно, за счёт заведения, – услужливо ухмыльнулся он.

Я вытащил из бумажника шесть сотенных купюр, небрежно бросил их на прилавок и также услужливо пробасил:

– Сдачи не надо!

Всю обратную дорогу домой я ломал голову, зачем я это сделал, но ещё больше не понимал для кого же эта вещь предназначена?

Ответа я не нашел.

И самое главное, что в этот вечер Джина так и не появилась.

18 августа

Утром я проснулся с дикой головной болью, словно накануне выпил ведро спиртного. Сел на постель, поводит языком во рту и от этого почувствовал себя ещё хуже. Действительно, какой-то похмельный синдром. Только горечь во рту и тяжесть в голове не от выпитого вина, а от несостоявшейся встречи.

Почему она не пришла?

Что ей помешало?

Она должна была появиться, по-другому быть не могло...

Если у неё получилось в первый раз, значит, эксперимент удался. Следовательно, препятствий для вторичного переброса нет.... Но, если... если она просто не захотела меня видеть?

От этой мысли меня даже подбросило. Этого не может быть! Мы расстались, договорившись о следующей встрече! Ни единого намёка на то, что я её чем-то обидел, я не заметил! Тогда в чем проблема? Может быть, какая-то временная

неполадка в технике её отца?

От слова «временная» мне стало немного легче.

«Все это пустяки, – сказал я себе. – Она появится сегодня, это точно. Пирог можно по новой разогреть в духовке или микроволновой печи, холодные закуски и вино стоят в холодильнике».

Тут я вспомнил, что вчера так и не позвонил Дженни и снова почувствовал себя последним негодяем.

«Это все из-за Джины», – со злостью подумал я.

Окружающий меня спокойный уютный мир в одночасье рухнул и раскололся на две части. Я находился меж двух огней и каждый из них жил в отдельной половине и горел по-своему жарко. Меня безудержно тянуло к Дженни, но точно также привлекала Джина. Мои мысли были полны воспоминаний, но параллельно я представлял будущую встречу. Я безумно хотел увидеть Дженни, но не менее сильно хотел встретиться с Джиной. Хотя нет, тут я лукавил самому себе. В данный момент я хотел увидеть Джину чуточку больше.

Я пошёл умыться и по дороге на второй этаж вспомнил притчу о Буридановом осле. Мелкий торговец по имени Буридан решил подшутить над своим любимцем и положил перед ним две одинаковые охапки сена. Бедное животное никак не могло решить, с какой копны ему лучше начать – обе были одинаково хороши, обе притягивали одинаково сильно. В конце концов, так и не сделав свой выбор, несчастный осёл умер от голода. В переводе на современный язык, он

просто не смог определиться.

Стоя под душем, я думал, что сейчас тоже не могу этого сделать. Выход один – так ничего и, не решив для себя, я буду вынужден умереть. Если б знал, насколько близко к истине я находился!

За завтраком я выпил немного коньяка, и грустные мысли отпустили. Перекусив, я решил подышать свежим воздухом. Меня потянуло на равнину за перелеском, где через тысячу лет будет жить Джина.

Взобравшись на возвышенность, я внимательно осмотрелся. До чего же унылый и безрадостный пейзаж простирался передо мной! Никогда бы не подумал, что через десять веков здесь будет раздаваться её весёлый, звонкий смех и ощущаться нежный запах духов «Бертюжар».

Краем глаза я заметил, что в рощице, которая теперь находилась справа, мелькнуло нечто пёстрое. Снова напряглись мышцы спины, хотя я подумал, что мне это показалось. Тряхнув головой, словно прогоняя остатки сна, я ещё раз внимательно посмотрел в сторону древесного частокола. Нет, никого. Определённо, только что замеченное мною было очередным плодом воспалённого воображения. Но тут из-за деревьев всё-таки вышла она.

Так быстро я не бегал никогда, даже в молодости. И пока я бежал, мысли со скоростью кадров кинофильма сменяли друг друга в моей голове.

– Что я должен делать, когда подбегу совсем близко? Об-

нять её?

– Но удобно ли это? Мы ведь ещё так мало знакомы!

– А если она сама бросится ко мне на шею?

– Тогда все гораздо проще!

– А если не бросится? Просто взять за руки и поцеловать?

– *А если она пришла, лишь за тем, чтобы попрощаться со мной?..*

В общем, когда я к ней подбежал, я совсем не знал, что мне делать. Я просто опустил руки и остановился, тяжело отдуваясь. Она тоже стояла и молчала. И вдруг, неожиданно, подняла правую руку и кончиками пальцев легонько дотронулась до моей щеки. А я тут же схватил её руку и принялся горячо целовать ладонь.

– Я не смогла вчера прийти, Ник, – прошептала она. – Ты уж извини.

Я ничего не ответил, даже не заметил, что она перешла на «ты» и только кивнул головой, не отрывая губ от её руки.

– Можно я не буду объяснять, почему так произошло? – её голос почти пропал и стал похож на шелест листьев, которых уже давно лишились деревья.

И она ещё спрашивает! Да какая разница, почему так случилось вчера? Главное, что сегодня она снова со мной!

– Пойдём ко мне в гости Джина, – предложил я. – Я вчера испёк для тебя пирог. Кстати, по старинному национальному рецепту!

– Пойдём, – легко согласилась она. – Признаюсь, Ник, мне

очень нравится домашняя стряпня.

18 августа. Вечер

В начале ужина мы, в основном, молчали, но я украдкой за ней наблюдал. Все приготовленное ей, несомненно, понравилось, это чувствовалось и по настроению, и по огонькам восторга, постоянно вспыхивающим в её глазах. Когда с оценкой моих кулинарных способностей было покончено, я закурил, а она, откинувшись на спинку кресла, довольно зажмурилась и ослепительно улыбнулась.

– Ты прекрасно готовишь, Ник. Спасибо тебе за всё!

– Впереди ещё десерт, – улыбнулся я. – И фрукты. Какие ты предпочитаешь?

– Ну-у... – она провела пальчиком по краю стола. – Если честно, то мне очень нравятся персики и яблоки, только зелёных сортов.

– Очень хорошо, – через силу улыбнулся я и почувствовал, что мне опять становится дурно.

Дежавю.

– Ник, – Джина слегка наклонилась ко мне. – Я хочу тебя кое о чём попросить. Только не сочти это за прихоть, просто очень хочется и, к тому же, я так привыкла. Можно после десерта сделать небольшой перерыв? Как это ни странно звучит, я бы... я бы... съела чего-нибудь солёненького, почему-то всегда после сладкого хочется... У тебя случайно не найдётся маринованного огурчика?

В этот момент меня поразила молния, и я ослеп. Теперь ничего не окружало меня, кроме темноты. На иссиня-чёрном фоне появились Дженни и Джина, и чья-то невидимая рука нарисовала между ними знак равенства.

Когда я вновь прозрел, Джина по-прежнему сидела передо мной и невинно улыбалась. Очевидно, она заметила перемену в моем лице, поэтому осторожно спросила:

– Я что-то не то сказала?

– Нет, нет, – я поспешил успокоить её, и попытался улыбнуться. – Всё в порядке. Безусловно, маринованные огурцы у меня есть.

– Спасибо, – вежливо кивнула она.

«Этого не может быть, – думал я. – Не может быть такого, чтобы у двух абсолютно разных людей всё совпадало до мелочей!».

Но такое было. И, вновь взглянув на Джину, я в очередной раз удивился, насколько она похожа на мою жену. Всё, чего быть не могло, на самом деле имело место. Эти два совершенно одинаковых человека реально существовали, только их разделяла тысяча лет.

«Так не бывает, – упрямо подумал я. – Последняя проверка. Если окажется, что кольцо её размера, я окончательно сойду с ума».

– Джина, – я придал своему лицу беспечный вид и хитро подмигнул. – Десерт подавать сейчас?

– Ой, Ник, – она опять откинулась на спинку кресла и

шутливо похлопала себя по животу. — Я так объелась! Если возможно, давай немного передохнем!

— Ну, тогда по рюмочке коньячка и по кусочку шоколада! — я быстрым движением разлил напиток по рюмкам.

— Ты меня совсем закормишь, — смущённо улыбнулась она.

— Не думаю, — я достал коробку женских сигарет, которую купил просто так, наугад, и протянул ей. — Ты куришь?

Интересно, будет ли человечество курить через тысячу лет?

— Нет, — Джина покачала головой. — Но ради такого ужина я, пожалуй, попробую.

— Пожалуйста, подожди меня, — я дал ей прикурить, — я хочу тебе кое-что показать.

Быстро сбегав в спальню, я взял коробочку с кольцом, а когда вернулся, то увидел, что Джина сидит, о чём-то задумавшись, и сигарета просто тлеет в её руке. Лицо девушки было обращено ко мне в профиль, и я ещё раз удивился, до чего же она напоминает мне Дженни.

— Закрой глаза, — негромко сказал я. — И вытяни руки вперёд. И, что бы ни произошло, не открывай, пока я тебя об этом не попрошу.

Джина послушно кивнула, закрыла глаза, на её лице застыла улыбка. Дрожащими пальцами я достал подарок, шумно выдохнул воздух, стараясь успокоиться и одним взмахом надел кольцо на безымянный палец девушки.

Улыбка исчезла с её лица. Веки тихонечко задрожали.

– Открой глаза, – прошептал я.

Длинные, пушистые ресницы взметнулись вверх.

– Это мне? – удивлённо спросила она.

– Тебе, – я с улыбкой кивнул. – Нравится?

– Какая прелесть! – Джина поднесла руку к глазам и принялась внимательно рассматривать кольцо. – Спасибо!

И вдруг, резко вскочив на ноги, бросилась ко мне и нежно поцеловала в щёку.

Я стоял и не шевелился, словно поражённый громом. Нет, не оттого, что она меня поцеловала. Кольцо пришлось ей в самый раз. Последнее звено проверки замкнуло цепь – у этой девушки безымянные пальцы были такого же размера, что и у моей жены!

Она всё ещё стояла рядом и смущённо вертела подарок.

– Зачем ты так тратишься, Ник? – укоризненно спросила она. – Оно, наверное, жутко дорогое?

Если бы она только знала, сколько раз подобные фразы произносила моя жена!

Дежавю.

– Пустяки, – я кивнул головой и рассеянно улыбнулся. – Не желаешь ещё коньяка?

– Желаю! – уголки её губ хитро поползли вверх. – Гулять, так гулять! За такое чудо грех не выпить!

– Тогда прошу! – я галантно указал на кресло.

Выпив, мы некоторое время сидели молча. Похоже, что

Джина все ещё не могла налюбоваться подарком и постоянно вертела под столом рукой, разглядывая его со всех сторон. На её лице отражалась целая гамма положительных эмоций – и радость, и восхищение, и неопиcуемый восторг.

«Она радуется, словно ребёнок, – подумал я. – СОВСЕМ, как моя Дженни».

Вспомнив о своей жене, я вновь ощутил себя подлецом. Может быть, Ей плохо, страшно и неудобно, в нашем пустом, огромном городском доме? Может быть, Она всё время сидит у окна, поджидая, когда подъедет моя машина? А я вместо того, чтобы находиться рядом, делаю подарки совершенно посторонней и к тому же, незнакомой женщине...

Которую теперь я буду ждать у окна...

– Ник, – голос Джины вернул меня к реальности, заставив оторваться от грустных мыслей.

– Да! – встрепенулся я.

– Ник, а можно один... не совсем корректный вопрос..., – и, увидев, как я кивнул, она продолжила. – Скажи, ты женат?

Врать или скрывать правду не имело смысла.

– Да, – бесцветно ответил я.

– Она, наверное, счастливая женщина. – Джина мечтательно улыбнулась и посмотрела вверх, на потолок столовой. – С ней рядом такой мужчина...

– Какой? – выпалил я.

– Положительный, – девушка вздохнула и поправила волосы. – Добрый, отзывчивый, равнодушный к чужой про-

блеме... Одним словом, хороший...

– Мне кажется, ты меня перехваливаешь, – я застенчиво опустил глаза.

– Ты же меня совсем не знаешь...

– Нет, – Джина откинулась на спинку кресла, положила руки на подлокотники и пристально посмотрела на меня. – Знаю, поверь. Просто о многих твоих качествах я не могу пока что, как следует, выразиться. Слишком я молода. Но, в принципе, это не так и важно. Главное, что я сделала свои выводы. Вот здесь...

Она дотронулась пальцем до виска.

– И здесь.

Она положила руку на левую грудь.

Мы снова немного помолчали.

– А как её зовут? – неожиданно спросила Джина.

– Дженни.

– Какое замечательное имя! – девушка весело засмеялась и захлопала в ладоши. – И главное, оно мне нравится! Ты знаешь? – она округлила глаза. – Я очень хотела, чтобы так называли меня. И постоянно донимала этим папу. Но он не захотел ничего менять. Сказал, что раз дал такое имя, то больше ничего переделывать не будет. А жаль... Это имя, оно такое нежное...

Она немного помолчала, опуская и поднимая ресницы так часто, что мне показалось, будто она вот-вот расплчется.

– Скажи, Ник, – наконец тихо произнесла она. – А тебе

самому это имя нравится?

– Очень, – признался я.

– Хорошо! – она кивнула головой. – Ты не представляешь, как это хорошо, когда два человека находятся рядом и одному нравится имя другого. Очень хорошо, просто замечательно!

Действительно, замечательно, особенно то, что сейчас происходит...

На последнем слове её голос прозвучал твёрдо и решительно.

Потом мы постепенно отошли от темы моей семейной жизни и долго разговаривали, пили коньяк и просто веселились.

А когда она засобиравалась домой, на прощание, я поцеловал её в первый раз.

Дежавю.

19 августа

Самой противной мыслью, которая пришла мне в голову, когда я проснулся, была та, что я забыл спросить, когда она появится снова. Уходя, она тоже ничего не сказала, просто ответила на мой поцелуй и исчезла в темноте.

И, как всегда, просила её не провожать...

Почему?

Чтобы я не видел, как она исчезает? Или, что там с ней происходит? Она растворяется в душной августовской ночи,

словно призрак? Или заходит в перелесок и уже больше не выходит оттуда? Или она уходит туда, где её кто-то ждёт?..

Её отец...

Какую ерунду я себе напридумывал! Если её отец приходит за ней в наше время, то кто тогда вернёт их обратно?

А, собственно, что происходит?

Ник... ты ревнуешь её уже к родному отцу...

И всё-таки, меня не покидает ощущение, что кто-то постоянно находится за дверью...

Дженни.

Бред. Хотя, я не исключаю, что она до сих пор чувствует моё настроение, всё-таки мы прожили вместе почти двенадцать лет...

И, самое главное, что я ничего о ней толком не знаю...

Непростительная ошибка. На этот раз все должно быть по-другому, Ник...

Правда... Дженни?

Я знаю, что Джина придёт ко мне снова, только вот когда? Неужели мне действительно придётся просидеть у окна всю оставшуюся жизнь? Этого нельзя допустить.... Но могу ли я противостоять тому, что творится в душе? Хватит ли у меня сил, чтобы отречься от приближающегося счастья?

Скорее всего, нет...

Я слаб, я когда-нибудь устану ждать и выйду встречать её в липкие сентябрьские сумерки.... И она появится, словно неожиданный цветок к сентябрю...

Я думаю, цветы к сентябрю ещё будут, и не одни...

Но самый первый из них – это Дженни...

Я не должен так думать. Я ожидаю Джину и, поэтому, мысли о жене сейчас недопустимы. Но как можно не думать о человеке, с которым прожил столько времени?

О котором знаешь всё, и в то же время абсолютно ничего...

И которого ты ждёшь сейчас, только в другом, молодом облике...

Нет!!!

Я никого не жду, я никого не жду, я никого не хочу ждать... Я не хочу...

Так говорит твоя больная совесть, Ник. А, на самом деле ты...

ЖДУ.

До обеда я не находил себе места, бесцельно блуждал по дому, несколько раз собирался на прогулку, но, то портилась погода, то менялось настроение. В конце концов, я включил телевизор, чтобы хоть как-то отвлечься и скоротать время до вечера, а там, может быть, я всё-таки увижу её.

В сумерках.

19 августа. Ближе к полуночи

Времени уже двенадцатый час ночи, но её до сих пор не было. Быть может, опять пауза длиною в день? В прошлый раз было точно так же. Один день она пропустила, зато на

следующий пришла. Надеюсь, что ничего страшного не случилось – и сейчас будет то же самое. Поэтому, подождём до завтра.

Ты поверил ей, Ник. Безоговорочно поверил в то, чего в реальной жизни не бывает...

Признайся, тебе удобно думать, что она на самом деле путешествует во времени?

Но ведь теоретически это возможно...

Вот именно, что только теоретически...

Нет, нет, всё обстоит именно так, как она мне рассказывала. Люди четвёртого тысячелетия могут придумать и не такое...

Но откуда ты знаешь это, Ник? Ты там никогда не бывал и вряд ли, когда-нибудь, тебе удастся подобное. Может быть, она просто обманывает тебя?

Ей незачем этого делать. И, вообще, она бы не появилась просто так, из ниоткуда...

Но она появилась. Она реальна, её можно потрогать, её можно поцеловать... Ты целовал её, Ник?

Точь-в-точь, как когда-то Дженни...

Вот видишь, ты не можешь забыть о своей жене. Ты целуешь другую, но перед глазами у тебя стоит та, которую ты действительно любишь. Подумай ещё раз, по-хорошему, Ник... Что, если Джина появилась здесь, чтобы вас различить?

Это – полный бред! Она ведь даже не знает о моей жене...

Теперь знает...

Нет, все это – неправда. Джина появилась здесь, потому что её отец проводил эксперименты по перемещению во времени и...

Это опять говорит твоя больная совесть, Ник. Больная совесть и уязвлённое самолюбие. Ты не можешь простить себе то, что тебе пришлось уехать от любимой женщины, от той, о которой ты думаешь постоянно...

Я не хочу думать, я не хочу вспоминать, я не хочу...

Поздно.

Я выдержу, я сильный, я...

Это только слова...

Окружающий мир помутнел и растворился в липких сиреневых сумерках. Я понял, что если сейчас не найду замены своим размышлениям, то...

Надо лечь спать и стараться не думать о своей жене. Я не хочу, чтобы она приходила ко мне этой ночью. Я не хочу, чтобы к сентябрю у меня под окном распустились цветы...

20 августа. Вечер

За окном уже стемнело, но её все нет. Я даже не знаю, что и подумать, не хочу допускать мысль – вдруг что-нибудь произошло? Сегодня целый день шёл дождь, и я никуда не ходил. Просто разжёл камин и сидел перед ним, потягивая коньяк и выкуривая сигарету за сигаретой. Думал, думал и... снова думал.

О Джине. О Дженни. О себе.

Обо всех нас.

И ещё о том, кто постоянно находится за дверью...

Я чувствую это.

Каким бы я ни был мягким и покладистым, каким бы я ни был медлительным и нерасторопным, как бы я ни любил не придавать значения мелочам и все откладывать напоследок... я чувствую...

Пора меняться, Ник...

Иначе ничего хорошего из этого не получится.

Но для меня это довольно сложно...

И всё же придётся.

На улице поднялся ветер, ветки с омерзительным звуком скреблись в оконные стекла, бутылка коньяка давно опустела, а я все сидел перед камином, тупо уставившись в хаотичные переплетения оранжево-синего пламени.

Вряд ли здесь моя душа когда-нибудь успокоится...

Я вновь и вновь пытался разобраться в себе.

Но так и не смог.

21 августа

Утром я проснулся с мыслью, что совершенно не думаю о Дженни. Поначалу я обрадовался, но потом...

Как я могу так поступать по отношению к Ней? Или что, из-за какой-то мимолётной встречи я забыл Ту, которая, дарила мне заботу, ласку и нежность в течение двенадцати лет?

Кто я после этого?

Подонок.

Малодушный, омерзительный подонок. Я сам испытываю к себе отвращение, мало того, я презираю себя.

К тому же, я – безвольный человек.

Ничтожество, плывущее по течению, амёба с полным отсутствием жизненного стержня. Надо делать выбор.

Но как?

Разобраться в том, чему я верю, и чему нет. Разобраться в своём отношении к Дженни. Разобраться в себе...

Этого может не получиться.

Я буду к этому стремиться. Злость и отвращение к самому себе помогут мне в этом...

Хорошо, если бы все обстояло так на самом деле.

Для себя я уже все решил...

Решил...

Мне кажется, я вновь прибегаю к наименьшему сопротивлению, но иначе я не могу. Если Джина завтра в течение дня не появится, то послезавтра я поеду в город и позвоню Дженни.

22 августа

Уже десятый час вечера, а её всё нет.

Всё.

Теперь все окончательно рухнуло.

Больше ждать не имеет смысла, она не придёт. Что случи-

лось? А вдруг я чересчур поспешил, когда поцеловал её на прощание?

Так оно и есть...

Это поцелуй сыграл роковую роль. Какой же я всё-таки тупица, самовлюблённый, неотёсанный болван!

Надо уезжать отсюда, и, как можно скорее. Вся проблема в том, что я не могу не вспоминать о Джени.

Сегодня мне уже начало мерещиться, что она ходит по Дому. Наверное, от сильного желания Её увидеть у меня разыгралось воображение.

И сейчас я полностью уверен, что кто-то находится за дверью.

Мне это совершенно не нравится.

Мне не нравится ожидание у окна, в тягучих, словно паточка, сиреневых сумерках, когда предметы теряют свои обычные очертания и превращаются в уродливых гротескных существ. И ещё мне не нравится, когда они отбрасывают тени, потому что именно тени прошлого не дают мне спокойно...

Спокойствия больше не будет.

Нет, нет, все будет хорошо, я в этом уверен. Завтра с утра я заведу машину, сяду и поеду в город. Подальше, прочь от этих жутких монстров! Они приходят для того, чтобы забрать то, что осталось. Жизнь. Вместе с этим чёртовым Домом. Но они могут простить меня, если я буду постоянно вспоминать о Джени.... Или нет, лучше я буду думать о Джине, а за это они оставят меня в покое.... Ведь вам это

несложно, мои маленькие таинственные обитатели? Или все это делает сам Дом? Но тогда я жду, когда он откроет свои двери, чтобы впустить внутрь долгожданный цветок к сентябрю...

Успокойся, Ник. У тебя опять слишком разыгралось воображение...

Воображение...

Дженни часто говорила, что у меня слишком буйная фантазия, даже предлагала начинать писать книги. Но, опять же, говорят такие люди быстро и легко сходят с ума. Находясь в мире грёз большую часть времени, они не замечают, как перемещаются туда на постоянное место жительства. А меня такая перспектива совсем не устраивает. Тем более, я этого боюсь.

И все время боялся...

Дежавю...

23 августа. Ночь

Она всё-таки приходила!

Это произошло так неожиданно, что когда раздался стук в дверь, я подпрыгнул, словно меня ошпарили кипятком! И когда я открыл и увидел её, маленькую, худенькую и замёрзшую, у меня чуть не лопнуло сердце. На улице было прохладно, но она опять пришла в своём тоненьком, летнем платице из голубой в чёрный горошек ткани.

Она бросилась мне на шею, содрогаясь всем телом, а я

осыпал её лицо поцелуями. И она отвечала мне тем же.

Я подхватил её на руки, перенёс в комнату и продолжал целовать, целовать, целовать...

– Боже мой, Джина, – повторял я. – Куда ты пропала?

– Не спрашивай, любимый, – горячо шептала она. – Сейчас это совсем не важно. Главное, что я снова рядом с тобой.

О, в тот момент мы не стеснялись великих, красивых слов, они исходили из самых глубин наших душ, беря истоки в наших сердцах.

Когда первый пылкий момент прошёл, и мы, вдоволь нацеловавшись, остановились посреди комнаты, Джина легонько отстранилась, взяла меня за руку и молча подвела к дивану.

– Присядем, Ник, – тихо сказала она. – Нам надо поговорить.

От этих слов у меня сжалось сердце. Неужели я действительно услышу что-нибудь плохое, то, чего я так опасался услышать все эти дни?

Мы опустились на мягкий полустёртый плюш. Джина взяла мои руки и решительно посмотрела мне в глаза.

– Ник, – в её взгляде сквозила тоска. – Произошла одна не слишком приятная вещь.

Хотя я был готов практически ко всему, у меня внутри всё болезненно сжалось. Я судорожно сглотнул и едва заметно кивнул головой.

– Дело в том, – печально продолжала она, – что прави-

тельство перестало финансировать проект моего отца. И теперь эксперименты придётся прекратить. От этой новости я совсем потеряла голову, перепутала дни, поэтому и появилась так поздно...

Я почувствовал, что земля уходит из-под ног, а лёгкие падают в вечную мерзлоту поджелудочной железы.

– Это наша последняя встреча? – глухо выдавил я.

– Наверное, да. То есть, нет. То есть, не совсем. Извини, я совершенно запуталась. До того, как я сегодня появилась здесь, отец сказал, что может перебросить меня сюда ещё раз-два, не больше. И то он не ручается за успешный исход последнего.

– Так... – голова моя упала, а плечи безвольно опустились. – Он знает, что в этом времени ты встречаешься со мной?

– Нет. Я решила, что пока ему не надо об этом знать. У него сейчас и так хватает проблем, ещё я добавлю.

«Она не лжёт, – подумал я. – Похоже, её отец и в самом деле ничего не знает».

От безысходности и отчаяния у меня дико заныли зубы, и ужасно разболелась голова. Злость, переполняющая меня, вырвалась наружу, и я с силой хватил кулаком по правому колену.

– Но ведь должен быть какой-то выход! – истошный крик прозвучал в тишине сигналом бедствия тонущего корабля.

– Выход есть всегда, – спокойно сказала Джина. – Ты и

сам прекрасно знаешь, что я не могу здесь оставаться, ведь у тебя есть жена. Поэтому, может быть и к лучшему, что всё так обернулось. Наши встречи повлекли бы за собой только одну беду.

Я не нашёлся, что сказать, а только обхватил голову руками и стиснул её так, что заныли височные кости.

– Я привыкла верить своему отцу, – продолжала она. – И поэтому считаю, что это – действительно наша последняя встреча. Поверь, Ник, мне было очень хорошо с тобой. Теперь я поняла, что тот мужчина в моем сне, помнишь, у костра, лица которого я не видела – это был именно ты. И я благодарна судьбе за то, что она послала мне настоящую любовь.

– Должен быть выход... – глухо простонал я.

– Есть, – решительно кивнула Джина. – Сделать все по-человечески. Чтобы потом не пришлось ругать себя за то, что ты совершила. Поэтому сейчас я хочу, чтобы эта последняя встреча запомнилась нам обоим надолго.

Она встала и медленно расстегнула молнию, искусно спрятанную в боковом шве её платья.

– Джина!.. – мне показалось, что я теряю дар речи. – Джина, что ты делаешь?

– Я знаю, что я делаю, – твёрдо сказала она, стаскивая узкое платье через голову. – Иди ко мне.

И... пришёл вечер нашей первой любви.

Мы падали в самое нутро обжигающего душу огня и одно-

временно поднимались с восстающими из глубин моря волнами, превращаясь в лёгкую, податливую пену.

Мы пели низкие тона пришедшей печали и тут же брали самые высокие ноты познания друг друга.

Мы старались, хоть на время, изгнать из души предстоящее тёмное будущее и вкушали реальное блаженство настоящего.

И когда её большие карие глаза распахнулись ещё шире, и в них отразилось изумление, я подумал, что причинил ей боль. Но она, почувствовав, как внезапно застыли все мои мышцы, лишь слабо улыбнулась и прошептала:

– Не останавливайся, Ник. Мне очень хорошо. Прошу тебя, дай мне возможность до конца окунуться в эту короткую сказку.

И мягкая, бархатная тьма поглотила нас обоих...

Когда всё закончилось, я лежал на спине, а Джина прижавшись к моей груди, тихонько водила по ней указательным пальцем.

– Ты – мой первый мужчина, – прошептала она. – И отныне я буду любить только тебя, и принадлежать только тебе.

– Бедная девочка, – я почувствовал, как опять запершило в горле. – Я сломал тебе всю жизнь!

– Нет, – Джина придвинулась ближе и облокотилась мне на грудь. – Не стоит никогда, нигде и ни в чём упрекать себя за то, что произошло. Теперь кроме твоего подарка я унесу в памяти ночь нашей первой любви.

– Я тоже никогда не смогу забыть тебя...

– Не вини и не ругай себя. Я сейчас подумала...

В её бездонных глазах зажегся радостный огонёк.

– Да! – воскликнула она. – Это совсем неплохая мысль! И я уверена, я сделаю это!

– Что ты сделаешь? – не понял я.

– Ни о чём не спрашивай, любимый! Я же тебе говорила, что всегда есть выход! А сейчас у меня появилась слабая надежда! Прошу тебя, не расспрашивай меня об этом, не лишай меня радости хорошенько обдумать её!

– Но хоть намекни... – последние слова застряли у меня в горле.

– Не стоит, – Джина смущённо улыбнулась. – Я просто хочу, чтобы у нас все было по-человечески. Успокойся. Ещё раз повторяю – ты ни в чём не виноват.

Она медленно поднялась и начала надевать платье.

– Пора, – её шёпот пронёсся по комнатам печальным шелестом опавших осенних листьев.

Я тоже встал и накинул халат. У меня было такое ощущение, что меня знобит.

– Не провожай меня, – Джина быстрым движением застегнула молнию и поправила юбку. – Ты же знаешь, мне здесь недалеко.

– Если у твоего отца получится, – с трудом выдавил я, – я имею в виду тот, последний раз... Ты придёшь?

– Я постараюсь, – она повернулась ко мне, поднялась на

цыпочки и нежно поцеловала меня в щеку. – Я могу на прощание тебе кое-что сказать?

Видя, что я хочу возразить относительно слов «на прощание», она легонько прикрыла ладошкой мои губы.

– Я не оговорила, сказав «на прощание». Мы с тобой оба не знаем, получится ли у моего отца провести ещё один удачный переброс. Поэтому сейчас я хочу попрощаться по-настоящему. Запомни, Ник, недаром мой папа говорил, что я – однолюб, после нашей встречи я поняла, что влюбилась в тебя без памяти. Пусть я совсем маленькая, глупая девочка, но это – настоящее чувство, для себя я это твёрдо усвоила. А теперь подтверждением моей уверенности стала та безмолвная клятва, которую мы только что дали друг другу. И сейчас я буду любить тебя всю оставшуюся жизнь. Тебя и только тебя.

Я приоткрыл рот, чтобы сказать ей несколько тёплых и нежных слов, но...

– Не надо ничего говорить, любимый, – мягко прошептала она. – Ты от этого только расстроишь меня и расстроишься сам. Ты же не можешь сказать, что не любишь свою жену?

– Нет, – глухо выдохнул я.

– Вот видишь, – она грустно вздохнула. – Поэтому, лучше ничего не говорить. Не грусти. Я думаю, все ещё будет хорошо.

– Будет... – словно эхо повторил я.

– Будет, – она снова вздохнула. – Я хочу на прощание

дать один совет. Если ты захочешь меня когда-нибудь вспомнить...

– Я всегда буду помнить тебя!

– Я знаю... – было видно, что слова давались Джине с трудом. – Прошу тебя, не перебивай! Так вот, если ты захочешь меня вспомнить, прошу тебя, смотри почаще на свою жену.

– На жену? – изумился я.

– Да. На Дженни. Тогда все действительно будет хорошо.

Она загадочно улыбнулась и поправила упавший на глаза локон.

– Если ты будешь постоянно обращать на неё внимание...

– ...ты никогда меня не забудешь...

Затем она повернулась и медленно вышла из гостиной. Я двинулся следом и смотрел, как она уходит от меня, изящная, лёгкая и хрупкая, похожая на красивый грациозный цветок. И уходит, наверное, навсегда.

Выйдя в коридор, Джина взялась за ручку и, повернув её, открыла дверь. В Дом ворвался шум начавшегося дождя.

– Скоро сентябрь, – не оборачиваясь, печально произнесла она. – Наступает осень, вода в реках и озёрах становится мутной, и рыба уходит в глубину. Вот так и мы с тобой сейчас уходим в глубину, подальше друг от друга. Дай Бог, чтобы это было лишь на время!

Она повернула голову и ещё раз грустно посмотрела на меня.

– Ник, – её голос слегка задрожал, и я почувствовал, что

от этого у меня задрожали колени. — Я хочу на прощание задать ещё один вопрос. Можно?

Поняв, что сейчас я не смогу произнести ни слова, я лишь коротко кивнул в ответ.

— Ник, — улыбка скользнула по её лицу, но она уже не была такой лучезарной и ослепительной, как прежде. — Можно, я буду твоим цветком к сентябрю?

Я всегда хотел, чтобы под моим окном росли красивые цветы...

— Можно, — с трудом разлепив губы, выдохнул я.

— *Я хочу, чтобы ты и это тоже запомнил...*

— ... и, чтобы, когда в очередной раз наступал сентябрь, ты знал...

— ... *что к нему у тебя всегда есть цветок...*

И она ушла. Ушла в унылый и терпкий, словно дым осенних костров, мелкий, морозящий дождь. Я знал, что она уходит навсегда. Знал и ничего не мог с этим поделать. Потому что в первый раз за всю жизнь я почувствовал, как разум начал медленно меня покидать.

23 августа

С утра я ощущаю мелкий, противный озноб. Зубы непроизвольно выбивают барабанную дробь, и особенно сильно дрожит правая рука.

Я считаю это чисто нервным явлением, поэтому стараюсь не обращать внимания. Как могут быть в порядке нервы, ес-

ли её нет рядом?

И очень странно, что сегодня никто не стоит за дверью...

До сих пор я ощущаю вкус её губ, а в воздухе стоит изумительно-лёгкий запах духов «Бертюжар». Почувствую ли я его когда-нибудь ещё? Если доведётся, я смогу распознать его среди сотен других, в любой многотысячной толпе.

К вечеру начало трясти сильнее. На улицу я сегодня не ходил – нет никакого желания. Вскипятив чаю, я добавил в него водки и забрался под тёплое одеяло. Внешняя дрожь немного поутихла, зато усилилась внутренняя. Довольно неприятно чувствовать, как содрогаются стенки твоего желудка и стучат друг о друга лёгкие. Сегодня она не появилась, но ничего, день уже подошёл к концу, будем ждать завтра. Мне очень плохо, поэтому сейчас надо попытаться заснуть. Свет, пожалуй, выключать не буду, кажется, в темноте у меня могут наступить неприятные ощущения.

Дежавю.

24 августа

Дрожь улеглась, но внутри появилось какое-то тревожное, щемящее чувство. Словно должно произойти нечто такое, чего я очень жду, но опасаясь его наступления и каждый раз подсознательно радуюсь, когда оно отодвигается. Может быть, я боюсь ещё раз увидеть её? Если она всё-таки придёт, я буду знать, что вижу её в последний раз. Вот тогда на са-

мом деле можно умереть от отчаяния.

24 августа. Вечер

Она так и не пришла.

25 августа

С утра я решил побриться, но когда подошёл к зеркалу, сразу заметил, будто в лице что-то изменилось. В глазах появился лихорадочный блеск, а под ними – зеленоватого цвета круги. И нос словно стал немного длиннее.

Неужели я превращаюсь в изгоя?

Наверное, это от нервов, да ещё из-за отсутствия свежего воздуха. В последнее время я никуда не выхожу.

Но если бы кто-нибудь знал, как мне одиноко в этих липких сиреневых сумерках...

Завтра надо обязательно сходить прогуляться. А сегодня не пойду – вдруг она появится, а я пропущу этот момент?

Всякое может быть.

26 августа

Сегодня решился выйти на воздух, но почти сразу вернулся. И вне Дома мне нет покоя. Не могу подходить к тем редким деревцам, где в первый раз увидел её. Мне все время кажется, что сначала появится краешек голубого платья, а потом и она сама. И я увижу её в последний раз. Так пусть лучше эта встреча немного отодвинется.

27 августа

Утром, когда пытался позавтракать, ощутил, будто что-то мешает во рту. Когда посмотрел в зеркало, мне показалось, что зубы слегка заострились и удлинились.

Мистика какая-то.

Не могу же я на самом деле превратиться в вампира?

Нос стал длиннее, щеки ввалились, глаза запали. И кожа очень странно посерела. Кажется, надо съездить в город, и купить витаминов. А ещё лучше обратиться к врачу.

Но все это завтра. А сегодня я буду ждать мою Джину.

28 августа

Поездки не получилось. Машину я ещё сумел открыть, хотя руки очень плохо слушались. Но когда сел за руль, понял, что не смогу сдвинуться даже на фут. Необъяснимый страх, больше ничего сказать не могу.

Обратил внимание на руки, пока они лежали на руле. Кожа стала совсем серой, сморщилась и загрубела. Ногти отросли и посинели, пальцы стали похожи на конечности мертвеца.

Или мне все это только кажется?

Не знаю, что и думать.

Как мне попасть к врачу? Телефона в этом Доме нет, свой я забыл. Хотя, собственно говоря, зачем мне врач? Буду ждать Джину, мне кажется – она лучшее лекарство.

29 августа

Зачем-то взял дневник и перечитал записи за вчерашний день. Поразило словосочетание «моя Джина». А как же Дженни? Ведь в последние дни я совсем не вспоминал о Ней.

Моя Джени...

Очень необычно всё получается. И Джина моя, и Дженни моя. Вроде бы, есть две женщины, но на самом деле нет ни одной. Хотя Дженни, может быть, уже не моя, ведь столько времени прошло... Я жду Джину, потому что она напоминает мне Дженни, а когда вспоминаю Дженни, мне кажется, что в молодости Она была очень схожа с Джиной. Когда я закрываю глаза, я представляю сразу обеих женщин, они медленно сходятся в одну и та, что остаётся, грозит мне пальцем.

За что?

За то, что я остался совсем один и стал всего бояться? Я боюсь увидеть Дженни, потому что буду чувствовать стыд за встречи с её молодым двойником. Я боюсь увидеть Джину, потому что это будет в последний раз, а потом мне захочется увидеть Дженни. Ведь Джина сама сказала – для того, чтобы вспоминать её, я должен чаще смотреть на свою жену.

Вопрос в другом: захочет ли моя жена смотреть на меня?

30 августа

Сегодня на море был шторм. Покой в душе закончился раз и навсегда, но оно и немудрено – ведь осень уже совсем близ-

ко. Её дыхание чувствуется во всем – в холодной, печальной свежести ветра, в запотевших по утрам оконных стёклах, в тёмных морских водах, которые в бессильной ярости набираются на берег. Все вокруг пронизано печалью и злобой.

Да и сам я полон этими чувствами. Печаль давит оттого, что я остался совершенно один, злоба грызёт меня от собственного бессилия.

Я не могу больше оставаться в этом чёртовом Доме, но я не могу... уйти... Судьба распорядилась так, что мне суждено коротать эти серые дни у окна....

Ну почему, почему Дженни не настояла тогда, чтобы я остался?

А почему я сам этого не захотел? Останься я тогда – и всё...

И я не встретил бы Джину...

Ну и что, возможно, это было бы к лучшему...

Нет, нет, тогда бы я...

Что, Ник?

Тогда бы я не смог всего этого прочувствовать и осознать...

Что осознать, Ник? Того, что, увидев молодую, привлекательную девушку, ты сразу решил за ней приударить?

Но эта девушка так похожа на мою жену...

Это твоё больное воображение, Ник... Она совершенно на неё не похожа...

Пропади все пропадом! Как же вы все мне надоели! Я хо-

чу убежать, я хочу спрятаться, только чтобы не слышать и не видеть вас...

Кого, Ник? Ты злишься, потому что не можешь... простить себе минутную слабость?

Это не слабость, это большое чувство...

Не строй воздушные замки, Ник! Этот возраст для тебя давно прошёл!

Мне же ещё только сорок...

Вот именно, что сорок. Кстати, на кого ты всё время злишься?

На кого ты всё время злишься?

На кого ты всё время...

На кого ты...

А, собственно говоря, на кого я злюсь? Только на самого себя.

31 августа

Ну, вот и наступил последний день лета. Шторм бушует с утра – его дикие звуки проникают внутрь этих стен и наполняют весь Дом чем-то чужеродным и страшным.

По-моему, в соседней комнате я слышу чьи-то шаги. Надо сходить проверить. Неужели кто-то опять появился за дверью?

Нет, показалось. На улице разразилась гроза. Молния сверкает так, что душа уходит в пятки. А за окном явно кто-то стоит. Какая-то чёрная зловещая фигура.

Может быть, это Джина?

Нет, она не может быть такой таинственной и мрачной. И Дженни тоже не может. Скорее всего, это кто-то другой, он появился здесь, чтобы забрать меня...

Ты зря теряешь время, приятель... Старину Ника не так просто испугать! Я не похож на агнца, которого ведут на заклание!

Лучше бы ты убрался отсюда поскорее...

Говорю же тебе, сегодня не твой день, я ни за что к тебе не выйду!

Я просто не открою дверь, придётся тебе мокнуть под дождём!

А-ха-ха-ха-ха!

1 сентября

Кончилась ночь, кончилась ночь, кончилась ночь...

Наконец-то утро...

Но дождь не перестает.

Он набрасывается на Дом с такой силой, что мне кажется – кирпичная кладка не выдержит. И ветер может разбить оконные переплёты.

Ну и пусть.

Если в этом кошмаре воде суждено одолеть, пусть так оно и будет. Море выйдет из берегов, взберётся по отвесным скалам и поглотит меня вместе с этим чёртовым Домом. Воды сомкнутся над моей головой, и для меня в этом мире уже

ничего не будет существовать...

И никого тоже...

Ни Джины, ни Дженни...

Но это плохо...

Плохо, чёрт побери, сидеть здесь и ждать, пока тебя утопят! Как котёнка...

Кто?

Конечно же, тот, кто стоит за дверью...

А если там никого нет?

Такого не может быть, ха-ха-ха-ха-ха...

Вода прибывает, Ник, скоро она уже будет здесь. Думаю, тебе пора уходить...

Зачем?

Но ты можешь погибнуть...

Ну и что? Что, собственно говоря, здесь плохого?

По-моему, я этого заслужил.

2 сентября. Утро

Туманное, серое утро, как, впрочем, и всё вокруг...

Пока никто меня не беспокоил.

Ха-ха...

Но Джины всё нет и нет. И Дженни тоже нет.

Скоро я сойду с ума от этого ожидания...

Непогода бушует третий день, и хотя я не покидал стены Дома, кажется, будто промок насквозь. Мне так холодно, что иногда не сгибаются пальцы. Особенно чувствую это по но-

чам, когда закрываю глаза, у меня такое ощущение, словно я проваливаюсь в ледяную бездну.

Опять, кажется, кто-то ходит в соседней комнате...

Под столом появилась кошка. Большая, толстая, и шерсть у неё лоснящаяся, чёрного цвета. И глаза недобрые. Надо, пожалуй, открыть дверь и выгнать её.

Она пришла для того, чтобы меня утопить...

Нет, я ещё в состоянии постоять за себя...

Прямо сейчас же я вышвырну её вон!

Нет, не стоит этого делать. Если я открою дверь, в Дом может войти тот, кто давно ожидает меня под окном. Ладно, пусть живёт, пока она мне не мешает.

Кис-кис-кис-кис-кис...

3 сентября

Похоже, я заболел. Голова раскалывается, все тело чешется и горит. Постоянно бросает то в жар, то в холод, руки и ноги трясутся. Наверное, простудился, в Доме довольно прохладно.

Правда, гроза закончилась, и шторм затих, но как говорится, беда одна не приходит. Почему-то во всем Доме нет света.

Может, из-за дождя?

Надо будет потом, как-нибудь поискать свечу, а то очень неудобно писать – совсем ничего не видно. Всё вокруг стало серым и одноцветным. Впрочем, как и было до этого.

Это – страшный Дом, у меня такое впечатление, что он медленно высасывает жизнь...

Вместе с тем, кто постоянно стоит за дверью...

Комната почему-то кружится. Камин и диван раздулись до невероятных размеров, если так дело пойдёт и дальше, то они вытеснять меня отсюда.

А кресла и стол, наоборот, уменьшились. Ха-ха...

Надо пойти полежать, а то мне совсем плохо. Только, главное – не спать. Ато вдруг Джина придёт или Дженни придет, а я всё просплю?

Крепиться, крепиться и ещё раз крепиться.

И кошку надо бы покормить, правда, сегодня я её ещё не видел. Только, наверное, и кормить-то нечем. Я и сам забыл, когда ел в последний раз.

Да, собственно говоря, какая разница?

7 сентября

Несколько дней дневник не писал, был не в состоянии. Так плохо я себя ещё никогда не чувствовал. Сейчас, вроде бы отпустило.

А кошки и, правда, не стало. Только вместо неё появилось несколько черных злобных котят. Вот сейчас что-то зашуршало в соседней комнате, и все они бросились туда!

Нет уж, им меня не одолеть...

Гадкие, мерзкие твари! Они специально пришли сюда, чтобы выбрать удобный момент, а потом напасть на меня,

исцарапать и искушать!

А, может, задушить во сне?..

Не спать...

Кстати, я и сам становлюсь похож на животное – вон на подбородке какая щетина отросла...

Надо пойти побриться.

А, может не стоит этого делать? Вдруг в зеркале я увижу отвратительного гнусного котёнка?

Дежавю.

7–8 сентября. Ночь

Сейчас у меня такое ощущение, будто кто-то промыл мне мозги. Я чувствую небывалую ясность ума, и даже лёгкий душевный подъем. Наверное, это оттого, что я, наконец, все понял.

Джина больше не придёт.

Она физически не сможет этого сделать, потому что Она уже пришла ко мне двенадцать лет назад, чтобы устроиться на работу. Пришла, перекрасив перед этим волосы в мягкий золотистый цвет, и сказала, что её зовут Дженни...

Очевидно, Её отец все-таки сумел провести переброс в последний раз, и Она решила использовать его, чтобы навсегда остаться со мной. Вот почему Она так загадочно улыбалась, уходя в серый монотонный дождь – Она знала, что ещё не всё потеряно. Судьба оставила ей шанс, и Она решила использовать его до конца.

И Она это сделала.

Когда двенадцать лет назад Она пришла устраиваться на работу, Она назвалась Дженни, так как знала, что мне нравится это имя. Она была уверена, что я не узнаю Её, потому что я Её ни разу не видел. Она не смогла назвать город, из которого приехала потому, как в то время города с таким названием просто не существовало.

Так же, как и не было духов «Бертюжар».

Теперь я вспомнил нашу первую с Дженни ночь любви. Тогда Она тоже сказала мне, что я – Её первый и единственный мужчина. Поначалу я не понял смысла этой фразы, ведь все говорило об обратном, но уточнять было как-то неудобно, да и Дженни сразу перевела разговор на другую тему.

И в ту ночь я его забыл.

А вот сейчас, через двенадцать лет, вспомнил. Не правда ли смешно – вспоминать, то первое, что было лучшим в твоей жизни только теперь, когда этого человека нет рядом? Но, тем не менее, это факт.

Вот почему Джина любила зелёные яблоки и маринованные огурцы. Вот почему кольцо так идеально ей подошло. Вот почему Она пришла в этот Дом через двенадцать лет после нашего знакомства.

За окном светлеет. Восьмое сентября окончательно вступает в свои права. Завтра у моей жены – день рождения.

У Джинны или у Дженни?

Да, собственно говоря, какая разница? Главное, что Она

у меня – одна и самая необыкновенная и любимая!

Дженни, милая, прости меня, если сможешь!

Прости за то, что я усомнился в своём отношении к Тебе!

Прости за то, что я забыл Тебя на какое-то время!

Джина, прости за то, что каждый вечер я с нетерпением ждал именно Тебя!

Теперь Ты знаешь, что кроме Тебя у меня никого нет. Ты была для меня одной, Ты и сейчас у меня одна, ты ей одной и останешься. Если, конечно, я ещё когда-нибудь я смогу увидеть Тебя.

Совсем рассвело, попробую привести себя в порядок.

Надо ехать.

Ехать к моей любимой и единственной Дженни, которая не оставила меня даже тогда, когда я поссорился с Ней.

Я беру зеркало и пристально вглядываюсь в своё лицо. Такое ощущение, что в зеркале отражаюсь не я. Какая-то отвратительная уродливая маска с черными провалами вместо глаз.

Меня вновь охватывает дрожь. Кое-как я встаю, неуклюже подхожу к окну и долго смотрю на серое, свинцовое море. В вое ветра, который бушует за стенами Дома, мне слышатся страшные, чужие голоса, морские волны накатывают на берег, рыча, словно создания из другого мира, и старые стены колеблются, как тонкие покрывала под черным дыханием неведомой бездны.

Я медленно возвращаюсь к столу, тяжело опускаюсь на

стул и вновь принимаюсь писать дневник. И чувствую, как разум начинает меня покидать.

Но я должен закончить, чего бы мне это не стоило...

Мне до сих пор непонятно, как это могло произойти, но, тем не менее, оно произошло, и я не мог этого не записать. Теперь Кто-то вышел из-за двери и постоянно стоит у меня за спиной, так что каждую минуту мне приходится оборачиваться. И, хотя там никого нет, я все равно знаю, что где-то в Доме притаились страшные черные котята.

Благо, что я нашёл свечу, иначе я бы окончательно сошёл с ума в жидкой чернильной темноте и сером туманном воздухе. Он сгустился, я реально чувствую это, потому что кровь все сильнее и сильнее леденеет в жилах.

Правая рука совсем не слушается, и сейчас меня преследует только одна мысль – лишь бы успеть записать до конца то, что я хочу.

Теперь мне кажется, что в Доме появилась Дженни...

И, хотя я знаю, что этого не может быть, ощущение не пропадает. Вот сейчас звякнут чайные блюдца на кухне, Она войдёт в комнату и спросит, почему я сижу в темноте.

Бедная моя девочка! Я так хочу увидеть Тебя, но силы окончательно покидают меня. А вместе с ними в серой утренней дымке растворяется разум.

Ты знаешь, похоже, я понял, почему дед так криво ухмылялся, когда рассказывал мне об этом местечке. Душу здесь никогда не успокоить, потому что она УПОКАИВАЕТСЯ на-

всегда. Но я, конечно, постараюсь, чтобы до этого не дошло.

Пока я ещё способен что-либо соображать, я хочу поздравить Тебя с днём рождения, который наступит завтра. Мне почему-то кажется, что я не увижу завтрашний день, но вместе с тем, кажется и другое. День этот будет светлым и солнечным, а серые тучи отчуждённости и непонимания, наконец, покинут небосвод. Так пусть Твоя жизнь в дальнейшем будет такой же яркой и светлой, как завтрашний день. Ведь с её небосвода исчезнет то, что постоянно сгущало и омрачало атмосферу вокруг тебя, то, что мучило тебя весь последний год твоей жизни.

Исчезну я сам.

Я знаю, что не имел права плохо поступать по отношению к Тебе и, поэтому, сейчас я ухожу.

Может быть, кто-нибудь, когда-нибудь найдёт мой дневник и прочитает его.

Может быть, он передаст его Тебе.

А, может быть, он поймёт, что на свете все-таки существует настоящая безграничная любовь.

Я не смогу сделать этого сам и поэтому хочу попросить нашего...

... положите, пожалуйста, на задний двор дома Джени цветы к сентябрю.

P.S. 8 сентября. Вечер

Синий «Опель-Омега» медленно въехал во двор одино-

кого особняка и аккуратно припарковался рядом с «БМВ» золотистого цвета. Выйдя из автомобиля, молодая женщина окинула унылым взглядом начинающую темнеть долину, вдохнула тяжёлый осенний воздух и направилась к Дому. В руках он несла красивый букет пышных сентябрьских цветов.

Наверное, впервые в жизни ей было по-настоящему легко.

Потому что, наконец, никто не стоял за дверью...

Перед крыльцом она остановилась и обернулась. Задумчиво глядя на окружающий её безрадостный пейзаж, она тихо произнесла:

– Бедный Ник.... Ты так и не научился жить по-другому. Ты так и не захотел понять, что происходит вокруг. Ты так и остался частичкой этого нелепого бесцветного мира.

По бледным, не накрашенным губам скользнула нервная усмешка. Встряхнув пышными, золотистыми волосами, словно отгоняя непрошеное видение, она ещё раз тяжело вздохнула и потянула входную дверь на себя.

Внутри Дома царил полумрак. Серая пыль, которую, казалось, не протирали несколько лет, покрывала стены плотным пушистым ковром.

Осторожно дотронувшись до неоштукатуренной кирпичной кладки, она поднесла палец к глазам и брезгливо поморщилась.

– Ты бы мог прибраться... – задумчиво произнесла она. – Впрочем, о чем это я? Ты всегда думал только о себе....

Потерев между собой подушечки пальцев и убедившись, что грязь исчезла, она неторопливо двинулась по коридору.

– Ничего здесь не изменилось, – прошептала она. – Тогда пусть все остаётся на своих местах. И остаётся... навсегда.

Коридор привёл её к полуоткрытой двери в гостиную. На мгновение, замешкавшись на пороге, она решительно кивнула головой и заглянула внутрь.

В комнате за столом сидел человек.

Мужчина.

Казалось, он спал – его большая, начинающая сидеть голова, безмятежно покоилась на вытянутых руках.

Она опустила голову и часто заморгала.

– Ник... – тихонько позвала она.

Сидевший за столом не отреагировал. Она легонько постучала по дверному косяку.

– Ник! Ты спишь?..

Тишина. Она постучала сильнее.

– Ник! Проснись же! Я приехала за тобой!

Увы! Голова сидящего даже не изменила положения. Она улыбнулась.

– Мне жаль, что так получилось, – произнесла она сдавленным голосом и осторожно перешагнула порог гостиной.

Грациозно прошествовав к длинному, стоящему в центре комнаты столу, она двинулась вдоль него, аккуратно ведя пальчиком по поверхности.

– Фу! – её хорошенький носик наморщился. – Как много

пыли! И как всё-таки я люблю грязь!

Подойдя к Николасу, она с отвращением вытерла палец о рукав его спортивной куртки.

– Тебе, наверное, нравится так жить, – медленно, выделяя каждое слово, произнесла она. – Ты провёл здесь почти месяц и даже не соизволил навести порядок. Нет, Ник, ты неисправим.

Она ещё немного постояла, словно размышляла о чём-то, потом медленно запустила пальцы в его шевелюру.

– Знаешь... – её взгляд мечтательно взметнулся вверх, – а ведь когда-то я действительно любила тебя. Хотя, вполне возможно, что сейчас мне это лишь кажется. Понимаешь, я давно хотела тебе об этом сказать, но как-то не решалась. И вот теперь я хочу это сделать. В первый и в последний раз.

Отняв руку от волос, она встала за спинкой стула.

– Знаешь, дорогой, – на последнем слове её голос предательски дрогнул, и она судорожно сглотнула. – В глубине души я всегда понимала, что ты предназначен не для меня. Дело даже не в том, что здесь повсюду пыль, и ты её не вытер. Ты можешь навести порядок, когда действительно захочешь. Причём, ещё какой...

Она дотронулась до дрожащего века правого глаза и шмыгнула носом.

– Мне всегда было жаль тебя, Ник. При всех твоих порой неожиданных выходках и резких поворотах характера, ты всегда оставался чист. Причём, именно душой. Может быть,

потому что ты действительно безумно любил меня...

Она ещё раз шмыгнула носом.

– Жаль... – её голос приобрёл тусклый и бесцветный оттенок, словно огарок свечи, который стоял на столе. – Но кто жалел меня? Кто нашёл ключ к замочной скважине моей души, чтобы повернуть её механизм. Посмотреть, что делается там внутри, на самом деле? Никто. Да, собственно говоря, никто и не хотел... И в первую очередь, ты не хотел этого сам, Ник! Все считали меня твоей вещью, красивой куклой, принадлежащей лишь тебе! Думаешь, мне было приятно притворяться верной и любящей женой и исполнять роль домохозяйки все эти годы?

Она гневно оттолкнула спинку стула, развернулась и подошла к окну.

– Нет, – вздохнула она, глядя безучастным взглядом на тяжёлое, свинцовое море. – Никто не спорит, ты – прекрасный хозяин, ты сумел обустроить нашу жизнь на сказочном уровне. Ты – верный и любящий муж, я знаю, что за все эти годы ты мне ни разу не изменил. Ты – галантный, изысканный кавалер, я сбилась со счета, сколько раз ты дарил мне цветы. Ты не жаден, я имела все, что хотела, причём мне не приходилось просить, достаточно было лишь намекнуть, и ты прекрасно угадывал моё настроение. Но ты не учёл главного. Ты не знал, нет, ты просто не хотел знать, как сильно порой, пребывая в чистоте, мне хотелось окунуться в грязь!

Она стукнула кулачком по оконной раме, отчего запотев-

шее стекло тонко и протяжно загнуло.

– Я устала жить такой жизнью! – обернувшись, выкрикнула она. – Я устала от общества, которое меня окружало, потому что оно было чересчур культурным! И ты мне надоел со своей культурой и воспитанием! Под твоим постоянным наблюдением я и шагу не могла ступить! Ты не представляешь, как порой мне хотелось услышать от тебя грубое, бранное слово! Я специально не рассказывала тебе о своей прошлой жизни, а только изредка намекала!

Но ты не понял меня!

Она яростно разрубила воздух ребром ладони.

– Ты никогда не хотел меня понять! – из полуоткрытых губ брызнула слюна. – Потому что тебе не было дела до моей жизни! Ты не снизошёл до того, чтобы попробовать разобраться в ней! Для этого, Ник, ты был слишком интеллигентным!

Она замолчала, и в комнате повисла плотная, напряжённая тишина. Красивые губы мелко-мелко задрожали и неожиданно растянулись в узкую коварную усмешку.

– Но ты был щедр ко мне, Ник, – она снова подошла к нему и начала перебирать волосы на затылке. – Я бы раньше никогда не смогла подумать, что у меня будет то, что ты для меня приобрёл. Мои родители были довольно небогатыми людьми, но об этом сейчас, я думаю, не стоит. Конечно, я не видела с ними и десятой доли того, что увидела с тобой. Поэтому с тобой и жила.

Безусловно, я виновата.

Виновата в том, что я посягнула на ТО, ЧТО мне никогда не принадлежало.

Виновата в том, что она посягнула на ТОГО, КТО ей никогда не принадлежал.

Теперь я на какое-то время осталась одна...

Перегнувшись через плечо Николаса, она прочитала:

– Цветы к сентябрю... Хорошо, Ник, я кладу тебе эти цветы. Только не на задний двор, а прямо перед тобой.

Обогнув стол, она небрежно бросила на него букет.

– В последнее время ты постоянно жаловался на сердце, – в её голосе появилось оцепенение. – Видишь, оно действительно оказалось слабым. И, правда, Ник, зачем человеку с таким слабым сердцем столько денег? Оформив завещание на моё имя, ты поступил совершенно правильно. Когда женщина становится одинокой, но богатой и независимой, она будет делать то, что хочет и любить, кого захочет. Теперь она сама сумеет обеспечить его!

На бледных губах вновь появилась улыбка.

Она или... я?..

– Но... прошу тебя, не подумай, что это произошло лишь из-за денег. Не такая уж я меркантильная, как тебе кажется. Просто ты забыл, что случилось в одну из сентябрьских ночей...

Она расстегнула висевшую на плече сумочку и достала вчетверо сложенный полиэтиленовый пакет.

– Главное – не забыть взять то, что больше не понадобится, – задумчиво произнесла она и вышла в коридор.

– Ну, где вы, мои дорогие? – зайдя в спальню, она присела и начала складывать в пакет разбросанных по полу чёрных плюшевых котят. – Идите к маме, вы прекрасно сделали своё дело! Воображение бедного Ника завершило вашу работу – оно заставило вас шевелиться!

– И тебе пора покинуть эти стены! – она вытащила из-за кровати чёрную бархатную кошку. – Бедняга Ник всегда страдал избыточным представлением о вещах. Это хорошо. Так. Здесь вроде бы все.

Она снова вернулась в комнату и достала небольшой пузырёк с прозрачной жидкостью.

– Это для того, чтобы вкусно пахло, – она с улыбкой расплескала вокруг себя содержимое флакона. Затем щёлкнула зажигалкой и поднесла огонёк к одной из занавесок.

– А это для того, чтобы стало светло!

Лёгкое, искристое пламя охватило старую, слегка пожелтевшую ткань и быстро взметнулось вверх, покрывая гардину равномерным оранжево-синим слоем. Полюбовавшись им какое-то время, она обернулась и ещё раз внимательно посмотрела на Николаса за столом. Положение тела не изменилось.

– Пока, Ник, – тихо сказала она, сняв с пальца небольшое изящное кольцо. – Не хочется, конечно, с ним расставаться, но с твоей стороны это была бесполезная, абсолютно никому

не нужная жертва.

Она бросила кольцо в лежащий на столе букет.

– Теперь, я думаю, тебе обязательно понравятся мои цветы к сентябрю.

Спустившись с крыльца, она завернула за угол дома и подняла лежащий под окном чёрный плащ с капюшоном.

– Это тоже больше не понадобится, – прошелестел её бесцветный голос.

Усевшись за руль, она бросила полиэтиленовый пакет и чёрный плащ на заднее сидение и ещё раз окинула Дом грустным взглядом. Озорные неуёмные огоньки уже плясали практически во всех окнах гостиной, сквозь щели в оконных рамах выползал густой, сизый дым.

– Интересно, – она посмотрела в зеркало заднего вида и откинула со лба непослушный локон. – Кто же я теперь – Джина или Дженни? А, впрочем, какая разница?

Тонкое оконное стекло лопнуло и брызнуло на улицу, сверкнув в свете пожара маленькими рубиновыми брызгами.

– Жаль, – в её голосе вновь появилась печаль. – Дом можно было выгодно продать. Но...любовь, как известно, требует жертв...

Она нажала на педаль сцепления и повернула ключ в замке зажигания. Мотор мерно и приятно заурчал. По правой щеке, оставляя узкую, серебристую полосу, пробежала слеза.

– Прощай, Ник, – тихо произнесла она. – Всё-таки мне

было хорошо с тобой. Но...но...я сама хочу дарить... себе...
цветы... к сентябрю...

Часть II

Джина

14 августа или 8 сентября 2002 год

Самое странное сейчас – то, что я до сих пор не могу понять, кем являюсь на самом деле. Я нахожусь в этой больнице около года, потому что полностью потеряла память. Похоже, что на самом деле так и есть – воспоминания о прошлом отсутствуют напрочь. Только в тёмные вязкие ночи, когда я не могу уснуть и подолгу смотрю в мутное ночное стекло, что-то непонятное и волнующее возникает глубоко внутри, словно призрачный огонёк во мраке. И я иду к этому неожиданно появившемуся ориентиру.

Вот только никак не могу до него добраться.

За окном шумит верхушками деревьев таинственный загадочный лес. Очевидно, клиника расположена за городом – иногда я смотрю телевизор и, поэтому, представляю, как выглядят городские пейзажи. Подобное тому, что я вижу за окном, может быть в городской черте только большим, хорошо охраняемым парком. Но кто додумается выстроить клинику в парке, предназначенном для отдыха и развлечений постоянно устающих горожан?

Только тот, кто дал мне этот воздух.

Хотя я не помню, каким воздухом дышала до того, как по-

пала сюда, у меня твёрдое ощущение, что подобный здешнему я вдыхала крайне редко. Он светел, он прозрачен, он девственно чист. И, открыв форточку ранним утром, его можно пить, словно освежающий напиток, особенно, если твой завтрак состоит из светлеющего голубого неба и ярко-розовой предраассветной зари.

Но все это – лирика. На самом деле, сложившаяся ситуация более мрачна и уныла, чем кажется на первый взгляд.

Раз в пару дней (это уж точно!) меня обязательно начинают мучить приступы боли и тошноты. Словно оживает выстроенный неизвестно кем муравейник в глубине желудка. Когда эти насекомые начинают бегать из стороны в сторону, что-то таскать и строить, они настолько сильно сотрясают внутренности, что поневоле хочется изрыгнуть их наружу. Но, как бы я ни старалась, в конечном счёте, все усилия сводятся на нет. Муравьи, безусловно, хитрые твари, они построили своё убежище так, что оно впилось колючими острыми краями в стенки желудка, поэтому извлечь его совсем непросто. Впрочем, как и самих его обитателей. За все время, что я здесь нахожусь, из меня ещё не выпал ни один муравей.

Конечно, этим мерзким созданиям не нравятся землетрясения, которые я устраиваю. Это случается, когда больше нет сил терпеть ужасные рези в желудке, что-то в тот момент сокращается между лёгкими, отдавая привкусом желчи во рту. Тогда муравьи злятся, гневно шевелят усиками, призы-

вая всех сочувствующих на дальнейшую борьбу со мной. Таковые, к сожалению, находятся, причём достаточно быстро. Собравшись, они организованно, горячо обсуждают возникшую проблему, группируются, выстраиваются в длинные ряды и начинают свой бесконечно долгий и нудный крестовый поход. Двигаясь по пищеводу, они скребут его заскорузлыми, мохнатыми лапками, и у меня возникает ощущение, будто я наглоталась иголок.

Из пищевода они попадают в рот, создавая эффект сухой хлебной корки, раскрошившейся на тысячи острых, неприятно режущих нёбо кусочков. Ну, а когда через носовую полость гадкие насекомые попадают в мозг, на самом деле темнеет в глазах. В такие минуты я обычно бьюсь головой о стену, правда, сама я этого не помню, мне потом обо всем подробно рассказывают. Может быть, и врут, но стены моей палаты почему-то обиты мягкой кожей цвета слоновой кости.

Когда кортеж муравьев останавливается, и, словно по мановению волшебной палочки исчезает, я, скорчившись, подолгу лежу на полу и стараюсь прийти в себя. Именно в такие минуты мне слышится далёкий рёв тяжёлых свинцовых волн, которые хотят мне о чём-то рассказать. И, похоже, я даже знаю, о чём.

О том, что скоро муравьи снова придут ко мне...

После этого я ощущаю себя Странницей, которая неожиданно оказалась на перекрёстке миров и мучительно сообщает, куда же лучше свернуть.

Находящийся справа тёмный, далёкий мир безудержно влечёт к себе, по-моему, там осталось Нечто такое, что было мне бесконечно дорого и любимо...

Только я никак не могу вспомнить, ЧТО именно.

Или кто...

Мне кажется, будто я бывала там раньше, возможно, прожила большую часть сознательной жизни. Я хочу ступить на эту тропу, все моё существо подталкивает меня, и мозг подаёт сигнал: «Сделай это и ты не пожалеешь!», и я уже поднимаю ногу...

Но... почему-то этого не делаю. Вторая половина тёмного, высохшего «я» сияет беззубой улыбкой и внимательно смотрит на меня чёрными бездонными провалами. Содрогнувшись от ужасного, пронзительного взгляда, я смущённо опускаю ресницы. И вместо правой ноги шаг, естественно, делает левая.

И всё возвращается на круги своя. Я открываю глаза и вижу, что снова нахожусь в той больничной палате, где впервые ощутила присутствие мерзких муравьев. Сейчас откроется дверь, вбегут люди в белых халатах, схватят меня, бросят на кровать и, как всегда, сделают несколько уколов. И я вновь окунусь в томное, щемящее душу забытьё, имя которому – Вечность.

А потом я приду в себя, но уже не буду помнить всего, что происходило со мной до того, как я потеряла сознание. Жизнь в который раз начнётся с чистого листа. И в душу,

в который раз вольётся тягучей патокой липкий, неуёмный страх.

Может быть, именно поэтому я начала писать дневник, который так старательно прячу от людей в белых халатах. Если уж и найдут, то, желательно, чем позже, тем лучше. На сегодняшний день – это моя единственная отдушина, а, возможно, и уникальный ключ к открытию пыльной замочной скважины Памяти.

И вот ещё что.

Когда я начала писать, меня стала преследовать странная навязчивая мысль, будто именно ЭТИ строки я зачем-то пишу к сентябрю...

14 августа

О своей жизни я не помню ничего, кроме этой клиники. Да и о ней у меня довольно смутное представление, ведь из палаты я практически никуда не выхожу. Как я уже упоминала, каждый новый день начинается с девственно чистого, белого листа. Ночь и болевые приступы полностью вымывают те песчинки воспоминаний, которые мне удаётся насобирать за предыдущий день. Почему так происходит, я не знаю. Этот феномен не могут объяснить даже люди в белых халатах.

Очень неудобно всё время писать четыре слова, я прекрасно знаю, что эти люди называются как-то по-другому, но, как именно, я забыла.

День начинается с женщины, которая приносит мне таблетки и порошки, с приклеенной улыбкой и постоянными вздохами отвечая на мои вопросы. Каждый раз они одни и те же – где я и как меня зовут? Заметно, что она уже устала это повторять и порой в её строгих, зелёных в серую крапинку глазах мелькают тени сомнения относительно того, что я спрашиваю об этом искренне.

Но... тени исчезают, когда я проявляю завидное упорство. Женщина начинает верить, что я не притворяюсь, острые треугольные крапинки в глазах становятся мягче и приобретают округлую форму. Она вздыхает и уже более добродушно начинает рассказывать то, что рассказывала вчера.

Около года назад я попала в автомобильную катастрофу, в результате чего, полностью потеряла память. В официальных полицейских отчётах написаны сухие, короткие строки о том, что я просто не справилась с управлением. Похоже, на самом деле было совершенно иначе. Детектив, который приходил в начале моего лечения, долго и тщетно пытался выудить хоть какие-нибудь сведения, уверяя, что все произошедшее было подстроено заранее, отчего мой автомобиль полностью лишился тормозов.

Бесполезно!

Я не могла вспомнить ничего и поэтому злилась, хныкала, всхлипывала, плакала, а иногда даже повышала голос. И он, бедолага, почему-то все относил на свой счёт, тяжело вздыхал, собирал бумаги и уходил. А на следующий день прихо-

дил снова в надежде, что «сегодня» будет кардинально отличаться от «вчера». Но, в итоге выяснилось, что он ошибался.

В общем, в конце концов, он отчаялся от меня что-либо узнать, улыбнулся, пожелал скорейшего выздоровления и исчез навсегда. А я осталась одна со своими грустными расплывчатыми мыслями и тысячами ненайденных ответов на единственный вопрос "почему?". Почему он ушёл?

Да потому что!

Потому что устал спрашивать об одном и том же и не получать ответа. А, может быть, просто обиделся, хотя, собственно говоря, на что ему обижаться – во-первых, это была его работа, а во-вторых, вспомнить я и в самом деле ничего не могла.

Самое странное, что в моей машине не обнаружили никаких документов. По номеру автомобиля установили владельца, и выяснилось, что я ездила по доверенности, но, как назло, выяснилось и другое – владелец этот вступил в какие-то нелады с законом и, как говорится, подался в бега. Печально, но всё происходило, как в кино...

Но...

Фильм – фильмом, а человека действительно нет. На этом все и застопорилось. Соответственно, никто не мог выяснить, как меня зовут и где я раньше проживала. Сама вспомнить этих деталей я, естественно, не могла.

Следствие зашло в тупик, поэтому в отчётах появились сухие записи, констатирующие мою водительскую некомпе-

тентность. Молодой, приятной внешности, детектив в последнюю нашу встречу всё же заметил, что мне повезло. Убийца явно рассчитывал, что я разобьюсь насмерть. Слишком велика была скорость на роковом повороте, слишком крутой вираж делала узкая бетонная дорога.

И всё-таки, вопреки всем его расчётам и прогнозам, я осталась жива. Хотя, можно ли это назвать жизнью? Так, жалкое существование, подобие человека, случайно заблудившегося на перекрёстке миров...

Вот, в принципе и вся моя предыстория, ежедневно рассказываемая строгой женщиной-сиделкой с серыми глазами. Негусто, но, к сожалению, этот факт. Скоро год, как меня лечат и, практически не намечается никаких улучшений. Только приступы случаются не ежедневно, а через день.

Женщина-сиделка постоянно повторяет, что мне пришлось перенести очень тяжёлую операцию на мозг и, поэтому, восстановление организма происходит крайне медленно. Но, с другой стороны, куда мне торопиться?

Похоже, меня никто и нигде не ждёт, за всё время, что я здесь нахожусь, никто ни разу меня не посетил. Значит, никто не ищет.

Я думаю, это просто некому сделать...

15 августа

Сегодня, как ни странно, в моём выздоровлении наметился небольшой прогресс. Когда утром ко мне в палату вошла

женщина с серыми глазами, я не стала спрашивать, как её зовут.

Потому что где-то в дальнем уголке моей памяти появилось мерцающее красными бликами короткое имя «Полли».

– Меня зовут Полли, – устало улыбнувшись, сказала она и поставила коробку с лекарствами на прикроватную тумбочку.

– Я знаю, – виновато улыбнувшись, я подтянула колени к подбородку.

Похоже, до неё не сразу дошёл смысл сказанного. Она неторопливо начала освобождать разноцветные таблетки от прозрачных упаковок и отмерять дозатором белые безвкусные порошки. И вдруг, неожиданно обернувшись, посмотрела на меня долгим выразительным взглядом.

– Не поняла... – смущённо пробормотала она. – Что вы сказали?

– Я сказала, что знаю, как вас зовут, – я кивнула головой, все ещё улыбаясь.

– Интересно, – Полли начала озираться по сторонам и, наконец, увидев больничный табурет, тяжело на него опустилась. – Стало быть, вы всё время притворялись, будто за ночь все забываете?

– Нет, – просто ответила я. – Правда, не сердитесь. Сегодня я поняла, что... что... как бы это поточнее выразиться?.. Поняла, что не забыла ваше имя!

– Может, вы ещё чего-нибудь не забыли? – подозрительно

спросила женщина. – Вы помните, как вас зовут?

– Нет, – вздохнула я. – Этого, к сожалению, я вспомнить не могу. Правда, я не помню ничего, кроме вашего имени.

Полли гулко выпустила воздух, и неизвестно в который раз начала рассказывать мою историю. А я слушала с неослабевающим вниманием и всем своим существом понимала, что забыть этого уже не смогу. Или в тот момент мне так только казалось...

– А какого цвета была машина, на которой я ехала в тот день? – спросила я, когда Полли закончила.

– Тёмно-синего, с металлическим отливом.

Тёмно-синего...

На мгновение мне привиделось, что непроницаемая чёрная стена, за которой всё время искусно скрывалась моя Память, дала трещину, от которой в разные стороны моментально поползли сотни тонких, изломанных отростков. Только камень, из которого стена была сложена, не раскрошился, не рассыпался, но начал менять свой цвет, превращаясь из аспидно-чёрного в светло-серую дымчатую пелену, похожую на утренний туман.

Сквозь пепельное марево проступили округлые очертания. Красивая, изящно приподнятая крыша, грациозно выгнутая панель заднего багажника с фонарями заднего вида...

Автомобиль!

Точно, это он и был. Только, когда туман слегка рассеялся, я увидела, что машина была зелёного цвета.

– Может быть, машина была зелёной? – спросила я с плохо скрываемой надеждой.

– Нет, – Полли покачала головой. – Она была тёмно-синей, как тёплый августовский вечер.

Странно! Как всё это было странно, ведь я отчётливо видела зелёный автомобиль!

И только тут поняла, что мне все это не привиделось, не показалось, я действительно ВСПОМНИЛА! Наверное, выражение моего лица сильно изменилось, потому, как Полли обеспокоено на меня посмотрела.

– Что-то не так? – подозрительно спросила она.

– Нет, – я в задумчивости потёрла виски. – Все нормально. Просто мне показалось... мне на минуту показалось...

Я сделала глубокий вздох.

– Что? – лицо Полли приблизилось почти вплотную. – Что вам показалось?

– Мне показалось, я вспомнила, какого цвета у меня была машина! – скороговоркой выпалила я и тут же осеклась. В висках, что я усиленно тёрла, тёплым прибоем прибрежных волн пульсировала мысль: «А что, если мне это действительно померещилось?»

Так уж устроена человеческая натура, что ей свойственно во всём сомневаться. Порой даже в том, что она знает наверняка.

– Продолжайте, – мягко предложила Полли. – Что вы ещё вспомнили?

Но я упорно молчала, прикусив язык. Скверная и не вовремя пришедшая мысль острой занозой засела в воспалённом сознании, полностью перекрыв выход словам и чувствам.

– Не хотите... – в глазах женщины промелькнуло разочарование. – Хорошо, не буду настаивать. Вам сейчас лучше не переутомляться. Думаю, недалёк тот день, когда вы вспомните всё остальное и сознательно нам расскажете.

Я с облегчением откинулась на подушки. Больше всего на свете я сейчас действительно не хотела перенапрягаться. Внезапно подумалось, что очерёдность воспоминаний заложена во мне строгой, запланированной последовательностью. И если я начну предпринимать что-то сама, то эта система может дать сбой, и все старания вылетят в трубу. А вспомнить и осознать было необходимо очень многое.

– Время принимать таблетки! – Полли назидательно подняла кверху указательный палец.

– Может быть, обойдёмся без них? – спросила я, ослепительно улыбаясь.

– Вдруг они тормозят мои воспоминания?

– К сожалению, я не могу нарушать предписание врача, – голос сиделки приобрёл сухой, казённый оттенок. – Когда вам действительно станет лучше, он сам исключит их из рациона.

Врача!

Эти люди в белых халатах называются врачами! Какое

простое и короткое слово! И как это раньше я постоянно умудрялась его забывать?

Серdito бормоча что-то под нос, Полли подала мне пригоршню разноцветных пилюль и маленький стаканчик-дозатор с дистиллированной водой. Я послушно положила таблетки в рот и тут же, в результате ловкого движения, они оказались под языком.

– Ну вот, так-то лучше, – примирительно произнесла женщина. – Будете отдыхать?

Я опять улыбнулась и ничего не сказала, а только утвердительно кивнула головой.

– Ну что ж, – Полли вздохнула. – Тогда не буду мешать.

Она тяжело поднялась с табурета и грузной, шаркающей походкой подошла к дверям. Взявшись за дверную ручку, она неожиданно обернулась и подозрительно на меня посмотрела.

– Завтрак через два часа. Если вдруг уснёте, вас будить?

Я снова ничего не ответила, а только опустила глаза.

– Хорошо, – её губы сложились в тонкую узкую складочку.

Полли тихо вышла и плотно прикрыла дверь. Щёлкнул дверной замок. А я поспешно выплюнула в ладонь уже начавшие растворяться таблетки.

В первый раз за всё время пребывания здесь.

16 августа

Сегодня мне приснился странный сон. Всю ночь я пресле-

довала какого-то человека.

Мужчину.

Было весьма досадно, что он постоянно от меня убегал. Правда, периодически останавливался и ждал, не поворачивая головы. А когда я была уже рядом, он резко срывался с места, словно вспоминал нечто важное и должен был немедленно куда-то успеть.

И так повторялось несколько раз.

Кроме того, было обидно, что я никак не могла увидеть его лицо. Казалось, это произойдёт сейчас – всякий раз я находилась настолько близко, что стоило только протянуть руку, схватить его за плечо и развернуть к себе...

Но... моя протянутая рука постоянно встречала пустоту. Там, где только что стоял этот человек, его уже не было! И моему взгляду опять представлялась широкая спина, подрагивающие на бегу плечи и большая голова с темными, начинающими сесть волосами.

В конце концов, мне это здорово надоело, я чуть не разревелась и остановилась, сжав кулаки от злости. Мужчина тоже остановился, только на этот раз до него было довольно далеко. И в первый раз повернулся ко мне лицом.

Но... разглядеть его мне, опять, было не суждено. Какая-то острая внутренняя боль заставила меня закрыть глаза. Словно мозг заранее дал команду, предупреждая, что может произойти нечто неприятное. Яркая вспышка или что-то в этом роде, такое, что может полностью и навсегда ис-

портить зрение. И я смежила веки так, что глазные яблоки отдались щемящей, пронзительной болью. А когда открыла глаза, мужчина уже исчез.

Теперь передо мной раскинулся совершенно другой пейзаж. Серая, мрачная равнина с несколькими пологими холмами походила на плохо вымытое чайное блюдце, а кривые деревья у подножия холмов напоминали останки челюсти доисторического ящера. Мой слух уловил шум бурлящих, сердитых волн, значит, где-то неподалёку находилось море. Посмотрев направо, я увидела небольшой двухэтажный Дом, который ютился на самом обрыве. Не знаю почему, но я твёрдо поняла, что мне надо идти именно туда. И в следующий момент ноги сами понесли меня к этому строению.

Шагая по жухлой, выжженной солнцем траве, я почувствовала на спине чей-то взгляд. Обернувшись, я внимательно осмотрелась. Никого позади не было, но смириться с мыслью, что мне это показалось, я не могла, слишком явно я чувствовала чужое, присутствие. Что, если кто-то прятался за деревьями? Я стояла и пристально рассматривала их тонкие, изогнутые временем и непогодой стволы. Никакого движения, ни единого намёка на кого-то постороннего. Всё тихо, безмятежно и безбрежно, как сама равнина.

Значит, показалось.

Незнакомый голос в моей голове позвал меня в Дом. Я развернулась и уже сделала несколько шагов в сторону особняка, как новая и неожиданная мысль вспыхнула так осле-

питательно, что отдалась нестерпимой болью в затылке. Я поняла, что ощущала на спине... свой взгляд...

Как такое могло произойти? Каким образом я могу сама на себя смотреть?

Я ещё раз обернулась. По-прежнему всё тихо и пустынно. Только ветер заунывно напевает мелодию уходящего лета. Да ещё серые тучи в небе вторят ему расплывчатым фоном второго голоса.

Неужели у меня началось раздвоение личности?

Я машинально потёрла виски. Головная боль начала отходить на задний план, и я почувствовала, как способность мыслить и анализировать возвращается вновь.

Итак, что мы имеем? Мы имеем на себе свой собственный взгляд.

Полный абсурд.

Такого не бывает. Значит, там всё-таки кто-то есть? Но я долго наблюдала и никого не заметила. Может мне всё это только кажется? Невозможно, чтобы я ещё раз очутилась здесь, только немного позже и смогла наблюдать за своей собственной спиной, находившейся на этом месте несколько секунд назад.... Разве может время так расслоиться?

«Иди в Дом», – прошелестело в ушах.

Я тяжело вздохнула, повернулась и покорно поплелась в указанном направлении.

«Этого не может быть, – твердила я себе. – Никакого расслоения не существует. Человек не может одновременно на-

ходиться в двух временных точках...».

В тёмном окне Дома, который уже был рядом, что-то мелькнуло. Я вздрогнула и внимательно пригляделась. Ничего, только один пустой и бесконечно тёмный провал окна, словно рот сказочного великана, распахнувшийся в безмолвном крике. Черт побери, этой ночью мне кажется слишком многое!

Обдумывая происходящее, я поднялась по ступенькам, как запрограммированная, толкнула входную дверь и осторожно шагнула внутрь.

В холле оказалось не так темно, как я предполагала. Серый, призрачно-мерцающий свет растекался ровной полиэтиленовой паутиной по стенам и полу, окрашивая их в такие же унылые тона.

«Зачем я сюда пришла? – неожиданно испугалась я. – Я здесь совершенно одна! А если кто-нибудь появится в этом мраке? Я даже не успею убежать... Да, собственно говоря, и бежать-то некуда...».

В дальнем углу коридора что-то шевельнулось. Распахнулась ещё одна дверь, вероятно, ведущая в следующую комнату, и в этом прямоугольном, более светлом проёме возник мужской силуэт. Это был тот же человек, и он опять от меня уходил! Не оборачиваясь, он перешагнул порог и скрылся в глубине зала. Я, как ненормальная, бросилась вслед, убеждая себя, что если его догоню, то получу ответы на все беспокоящие меня вопросы. Я влетела в комнату, но мужчина

уже переступал порог следующей. В два прыжка я оказалась возле дверного косяка, но он уже открывал третью дверь. И так повторялось бесчисленное множество раз. Стоило мне достичь входной двери той или иной комнаты, как он уже оказывался у выхода из неё.

«Какой ужасный, дурацкий дом, – скрипнув зубами от злости, подумала я. – Бесконечное количество комнат, и все они соединяются между собой! Но все равно где-то должен быть конец».

Словно в подтверждение своих мыслей, я, выскочив из очередной комнаты, оказалась в длинном прямом коридоре. В конце его я различила узкую деревянную лестницу с резными перилами. Мужчина с обезьяньей ловкостью вскарабкался наверх, я же, не сбавляя темпа, рванула за ним.

Верхняя ступенька лестницы вновь привела меня в коридор, на этот раз совершенно глухой, без дверей и окон. Несмотря на отсутствие освещения, здесь было довольно светло, но в тот момент я не обратила на это внимания. Теперь появилась твёрдая уверенность, что мой беглец никуда от меня не денется. И я, наконец, получу то, ради чего проделала столь долгое и утомительное путешествие. Увижу его лицо.

Рано или поздно это должно произойти!

Мужчина подошёл к стене в конце коридора и остановился. Я, затаив дыхание, осторожно приблизилась и уже подняла руку, чтобы дотронуться до его плеча, но он сам начал

медленно разворачиваться. И в тот момент, когда я должна была увидеть его лицо, я... неожиданно проснулась. Проснулась, заревела и долго не могла понять, где я нахожусь.

А потом мои веки смежились, и я вновь погрузилась в тревожно-беспокойное полузабытьё. Снов я больше не видела. Единственным, что я запомнила, было то, что за секунду до моего пробуждения, мои губы несколько раз прошептали неизвестное мне мужское имя.

Николас.

16 августа. Вечер

День выдался таким же пепельно-серым и бесцветным, как увиденный накануне сон.

«Действительно осень, – с грустью подумала я, глядя в окно. – Хотя ещё только середина последнего летнего месяца».

Ветер на улице окреп и назойливо перебирал оконные стекла, заставляя их нудно дребезжать. Мне поневоле представилась большая нотная тетрадь, на страницах которой была записана мелодия уходящего лета. Самым любопытным было то, что она, стараясь уйти в чисто осеннюю тональность, почти достигала звеняще-серого апогея, но каждый раз неизбежно возвращалась назад.

«Интересная вещь, – подумала я, машинально выводя пальцем на запотевшем стекле бесформенные узоры. – Такое впечатление, что сама природа соблюдает свой ритм и не торопится менять время года раньше, чем ей предназначено.

Действительно, время – оно у каждого своё. Интересно, какое оно у меня?»

Я задумалась и машинально прикоснулась к виску влажным холодным пальцем.

«Скорее всего, у меня его просто нет. Не может быть времени у человека, который не знает, кто он на самом деле».

Сзади легонько скрипнула дверь. Я даже не обернулась, потому что знала – пришла Полли.

– Здравствуйте, – я зябко передёрнула плечами.

– Здравствуйте, здравствуйте, – Полли шумно засопела, поставила поднос с лекарствами на стол и начала шуршать упаковками таблеток. – Я вижу, вам сегодня гораздо лучше. Что-то пытаетесь рисовать? Может, дать вам карандаш и бумагу?

– Нет, – я провела пальцем по стеклу так, что оно пронзительно пискнуло. – Это всего лишь бессмысленные фантазии. В самом деле, я действительно чувствую себя великолепно. Кстати, сегодня я все помню. И про аварию, и про цвет машины, о которой был вчера разговор.

– Ну, надо же! – Полли всплеснула руками. – Неужели дело пошло на поправку? Поздравляю! Если откровенно, я очень рада за вас!

– Полли, – я попыталась, как можно мягче прервать её излияния. – Сегодня ночью мне приснился странный сон. Какой-то мужчина постоянно убегал, а я его догоняла. Действие происходило в старом одиноком особняке, стоящем на

морском утёсе...

– Вы видели его лицо? – пытливо встала она.

– Нет, – я недовольно поморщилась оттого, что меня перебили, – не видела. Я помню, что приблизилась к нему совсем вплотную, он уже почти обернулся, но тут я... проснулась...

– Жа-а-аль, – разочарованно протянула сиделка.

– Зато я знаю, как его зовут, – сдавленно пробормотала я.

За спиной послышались приближающиеся шаги. Рука Полли легла на моё правое плечо, а лицо осторожно выглянуло из-за левого.

– Как? – шёпотом спросила она.

– Николас, – шумно выдохнула я. – Его зовут Николас. Только это имя мне ни о чем не говорит.

– Возможно, так звали вашего мужа? По виду вам около тридцати, вы – красивая интересная, женщина, должен же у вас быть муж?

– Очень может быть, – я задумчиво кивнула. – Только если он есть, почему не объявился за все это время?

– Ну-у... – по-видимому, желая что-то сказать, Полли открыла рот, но потом передумала и закрыла.

– Вот видите, – я слегка качнула головой. – Тут и сказать нечего.

– Нет! – упрямо возразила сиделка. – Неправда, всегда можно что-нибудь сказать! Только надо стараться говорить по делу!

– Тоже верно.

– Понимаете, – Полли сочувственно погладила меня по плечу. – Найти вас – это ведь, ох, как непросто! У вас нет ни имени, ни фамилии, о себе вы ничего не помните, даже где вы жили...

– Можно было отыскать по машине! – упрямо заявила я. – Наверняка это он мне её покупал! И по телевизору аварию, скорее всего, показывали в новостях! И потом, если я исчезла, и муж меня потерял, то почему бы не поговорить с людьми, не навести справки? Неужели этих телевизионных выпусков никто не видел? **СОВСЕМ** никто?

– Мы опять-таки не знаем, где он находился все это время, – вздохнула сиделка. – Может быть, куда-то уезжал?

– Но ведь рано или поздно все равно бы приехал! – я продолжала гнуть своё. – Он живёт не на необитаемом острове! И потом, он мог обратиться в полицию! Уж они-то знали, где я нахожусь! Все равно, ему кто-нибудь сказал бы об этом!

– Да, – женщина печально согласилась. – Тут вы, безусловно, правы. Может, никакого мужа и не было...

– Угу, – я угрюмо кивнула.

– Однако мы заболтались, – Полли взяла меня под локоть и повела прочь от окна. – Нам пора делать уколы, принимать таблетки...

– Может, не стоит этого делать?! – я буквально взмолилась. – Нет, правда, мне действительно намного лучше!

– Я все это прекрасно понимаю. Но распоряжение врача

для меня – приказ. Вот, скоро соберётся очередной консилиум, там вас внимательно выслушают, обследуют и, если сочтут необходимым, определённые лекарства исключат. А, возможно, даже выпишут из нашей клиники.

– Хорошо, – я сдалась.

...Однако когда Полли ушла, я снова выплюнула таблетки и долго ломала голову, а не они ли причина того, что я всё постоянно забываю? Я их только день не принимала, а чувствую себя намного лучше, и в голове прибавилось ясности. Странная, абсолютно дикая, нелепая вещь – я нахожусь в больнице для того, чтобы мне помогли все вспомнить, а получается наоборот, так, что всё забывается...

Или у меня вновь разыгралось воображение? Наверное, самое рациональное – подождать ещё день и посмотреть, что будет завтра.

17 августа. Вечер

Сегодня произошло такое из ряда вон выходящее событие, что у меня до сих пор дрожат руки, хотя Полли говорит, что я проспала часа четыре, не меньше. Случилось то, чего я совсем не ожидала. Но, как бы то ни было, раз уж я начала писать дневник...

Начну с того, что утром я поймала себя на мысли – почему так долго не было приступов? Конечно, три дня – не срок, но если судить о том, что раньше боли мучили меня через день, мои сомнения вполне обоснованы. Неужели все дело

в этих проклятых таблетках? Эта мысль так крепко засела в голове, что поначалу я даже ощутила мелкую тошнотворную дрожь. А вдруг всё это кем-то специально подстроено? Но зачем? Кому выгодно, чтобы я как можно дольше не могла вспомнить, ЧТО со мной произошло? Что, если я на самом деле перешла кому-то дорогу?

Задумавшись, я невольно ощутила, что всё проговариваю вслух и начала ругать себя за то, что совсем не контролирую эмоции.

Мои мрачные размышления были прерваны появлением Полли. Сегодня её было не узнать. Всем своим видом она излучала загадочность и таинственность, серо-зелёные, обычно строгие глаза так и светились желанием сообщить мне нечто важное. Настолько значимое, что она даже забыла поздороваться, а, как только очутилась в палате, торжественно подняла правую руку и магическим голосом произнесла:

– Вы не поверите в то, что я вам сейчас сообщу.

От такого вступления я на секунду лишилась дара речи.

– Только вчера мы об этом поговорили, – продолжала сиделка, – и, представьте, сегодня утром он появился! Нет, определённо в нашем мире ещё много загадочного и необъяснимого!

– Кто... он? – с трудом разлепив губы, выдохнула я.

– Он... – лицо Полли сияло, как начищенная медная монета. – Он, Николас, наверное, а кто же ещё?

– Мой муж? – я почувствовала, что пол уходит у меня из-

под ног.

– А вот это он скажет сам, – рот женщины расплылся в улыбке до ушей.

– Он просил вас пока ничего не говорить, по-видимому, хочет сделать сюрприз...

– Ничего себе сюрпризик, – ошалело пробормотала я. – Так и с ума можно сойти.

– Ну-у, – женщина вытянула губы трубочкой и плавно взмахнула рукой, – я думаю, до этого не дойдёт. Если вы не сошли с ума после такой аварии... Однако, я заговариваюсь! Он ждёт в коридоре... Кстати, довольно деловой и обаятельный мужчина – к больным с таким положением, как у вас, попасть крайне непросто. А он буквально за десять минут сумел убедить администрацию, что ему это необходимо...

– Что, дал денег? – невольно вырвалось у меня.

Серо-зелёные глаза гневно сверкнули, но в следующую минуту Полли равнодушно пожала плечами.

– Все возможно, – уклончиво ответила она. – Судя по внешнему виду...

– Он богат? – мне не терпелось узнать, как можно больше.

– Похоже, что да. Одет, по крайней мере, довольно изысканно. И главное, со вкусом. Я что и говорю – такой обаятельный мужчина...

– Подождите, – я заметалась по комнате, уже не обращая внимания на болтовню сиделки. Какой кошмар, в этой комнате нет даже зеркала! Как я смогу привести себя в порядок?

Тем более, если учесть, что я не видела себя целый год!

– Зеркало! – истерически закричала я. – Мне необходимо посмотреться в зеркало! Я даже не знаю, как выгляжу!

– Успокойтесь, прошу вас! – Полли даже покраснела от волнения. – Вы же понимаете, зеркало вам повесить никак нельзя, вы бы его тут же разбили!

– А сейчас? – я по-детски всхлипнула и укоризненно посмотрела на неё.

– Сейчас что прикажете делать?

– По-моему, у меня для вас кое-что есть, – женщина с озабоченным видом полезла в карман халата. – Вот, взгляните!

И она протянула мне небольшое зеркальце в изящной плетёной оправе.

Из маленького блестящего овала на меня смотрело чужое лицо. По крайней мере, раньше я его никогда не видела. В целом, оно производило более-менее благоприятное впечатление, хотя я ожидала увидеть дико горящие глаза с обрамляющими их зелёными или красными кругами и торчащие в разные стороны волосы. Но... причесаться и в самом деле не помешало бы...

– У вас есть расчёска? – спросила я настолько деловым тоном, что Полли невольно улыбнулась.

– Есть, – она достала из кармана халата небольшую массажную щётку. – Определённо, мужу вас был. И, скорее всего, старался исполнить любое ваше желание или каприз. Иначе откуда взяться ноткам, не терпящим возражения?

Я только хмыкнула, пожала плечами, взяла предложенную мне массажную щётку и начала причёсывать растрёпанную шевелюру.

– Нет! – Полли решительно её забрала. – Не так. Держите зеркало, я вас сама причешу.

Каким образом эта пожилая женщина научилась разбираться в модных причёсках, я так и не поняла. Буквально за несколько минут она взбила мои волосы, словно пену от шампуня и уложила так, что они накрыли голову объёмным, даже слегка светящимся куполом.

– Нравится? – с улыбкой спросила она.

Я довольно кивнула.

– Ну, всё, – лицо Полли снова приняло серьёзное выражение, хотя в глазах продолжали плясать задорные огоньки. – Теперь думаю, что могу позвать вашего таинственного незнакомца.

– Зовите! – я с улыбкой кивнула.

Полли вышла за дверь, и до меня донеслись приглушённые голоса.

«Кто же он всё-таки такой?» – мучительно подумала я.

Дверь резко распахнулась, и Он вошёл в палату. Я машинально оценила дорогой костюм, не менее дорогое элегантное чёрное пальто и стильные, до блеска начищенные ботинки. Посмотреть ему в лицо я почему-то постеснялась.

– Здравствуй, Джина! – раздался низкий, но приятный мужской голос.

17 августа. Ещё более поздний вечер

Отражая на страницах дневника то, что мне пришлось пережить, я была вынуждена сделать перерыв. Как только дело дошло до описания дневной сцены, я опять все живо представила, и у меня так сильно затряслись руки, что запершило в горле, и я разрыдалась. С мыслями я собралась только минут через сорок. Продолжение села писать через час.

Итак, вошедший поздоровался, назвав меня при этом по имени. Я невольно вздрогнула и в следующий момент в моей голове вспыхнула сверхновая звезда.

– Здравствуй, моя милая Джина! – уже более ласково повторил незнакомец.

Превозмогая тяжесть песка, которым налились веки, я всё-таки взглянула ему в лицо.

Нет!

Этого человека я раньше никогда не видела! На вид – лет сорок-сорок пять, но возможно и старше. Много седых волос на висках. Взгляд слегка усталый, но, тем не менее, жизнерадостный, уверенный в себе. Лицо слегка полное, но это его не портит, в уголках глаз притаилась сеточка морщин. Скорее всего, этот человек много улыбается. Вообще, Полли права – он весьма обаятелен и представителен. Только вот жуткий шрам на лице чуть портит общую картину... Похоже на след... Даже сразу и не скажешь, на след от чего...

В принципе, это пустяки. Пройдёт время, он побледнеет,

исчезнет его красно-синяя одутловатость. И он уже не будет так бросаться глаза. В целом, этот мужчина производит впечатление сильного и властного человека, знающего, что он хочет и умеющего любыми путями добиваться намеченной цели. Только вот одна мысль не даёт мне покоя – где же он так сильно пострадал?

– Здравствуй, моя дорогая Джина, – в третий раз повторил незнакомец. Я проглотила сухой комок в горле и кивнула головой.

– Здравствуйте, – выдавила я.

Человек улыбнулся. Точнее, улыбка чуть тронула его пухлые губы, в основном, улыбнулись глаза.

– Наконец-то я нашёл тебя, девочка моя, – неторопливо произнёс он.

Я не успела сообразить, что ответить и поэтому лишь благодарно закивала головой. Незнакомец искал глазами и, наконец, заметив больничный табурет, не спеша, на него опустился.

– Я так долго разыскивал тебя, милая моя, – печально произнёс он. – И, если честно, уже отчаялся найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.